

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

ТАНГО
СТАРОЙ
ГВАРДИИ

*Здесь дышит история, здесь разбиваются сердца,
здесь человек напролом идет к победе.*

ENTERTAINMENT
WEEKLY

Большой роман (Аттикус)

Арту́ро Перес-Реверте
Танго старой гвардии

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Танго старой гвардии / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус»,
1993 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24144-2

Танго и шахматы, международный шпионаж, мошенничество и кражи, темные переулки, темные стороны души и любовь – обреченная и на всю жизнь. Два человека из разных миров – в прошлом солдат, а ныне жиголо, шпион поневоле и ловкий вор без гроша в кармане Макс Коста и привычная к роскоши непроницаемая светская львица Мерседес Инсунса – разыгрывают достойную Хичкока напряженную драму роковой любви и предательства. Этим двоим выпали три короткие встречи: в 1920-е, в изысканных интерьерях трансатлантического лайнера и в трущобах Буэнос-Айреса; в 1930-е в Ницце, когда над Европой уже нависла тень всего, что предстояло; и в Сорренто, во время яростной схватки чилийского и советского гроссмейстеров за шахматную корону, в 1960-е, когда жизнь уже прошла и остается только не без зависти смотреть на молодых, ясноглазых и упорных, по возможности их поддерживая. Это история о пылкости танго и холодном расчете шахмат – но не только. Это история о великой любви – но не в ней все дело. Артуро Перес-Реверте – бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих романов, переведенных на сорок языков, создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград. Его «Танго старой гвардии» – черно-белое кино о подлинной страсти танго, которое звучит в тебе до конца твоих дней, о ностальгии по ушедшим временам, когда жизнь была полна приключений, непредсказуема и со всем, что приплывало тебе в руки, ты расставался легко, потому что был молод и ничего не боялся, и о старости, которая полна сожалений, однако ничуть не способна изменить ни прожженного мошенника, ни настоящего рыцаря.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-24144-2

© Перес-Реверте А., 1993

© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

1. Жиголо	10
2. Танго страдательные и танго убийственные	32
3. Парни былых времен	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Арту́ро Перес-Реверте

Танго старой гвардии

Arturo Pérez-Reverte

EL TANGO DE LA GUARDIA VIEJA

Copyright © Arturo Pérez-Reverte, 1993

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2021

© Перевод на русский язык, ООО «Издательство «Эксмо», 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Здесь дышит история, здесь разбиваются сердца, здесь человек напролом идет к победе.

Entertainment Weekly

«Танго старой гвардии» – гипнотическая рапсодия, которая глубоко черпает из многих жанров: историческая сага, триллер а-ля Альфред Хичкок, но прежде всего – великолепная повесть о любви, душераздирающая и соблазнительная. Перес-Реверте мастерски, зверски играет эмоциями читателя, выкручивая напряжение на максимум. Пьянящая, увлекательная книга, в которой жизнь бьет ключом, но подспудно звучит ностальгический вздох обо всем, что было и прошло.

Booklist

* * *

Пресса о «Танго старой гвардии» и Артуру Пересе-Реверте

«Танго старой гвардии» – это Джон Ле Карре пополам с Габриэлем Гарсиа Маркесом, увлекательнейший с первой до последней страницы роман, который прямо-таки просится на киноэкраны. Главный герой, Макс Коста, – роль, просто созданная для Кэри Гранта. Меча – скорее Кэтрин Хепбёрн, чем Грейс Келли... Восхитительно построенная история – отчасти детектив, отчасти триллер, отчасти приключения классического толка... Перес-Реверте – прекрасный рассказчик, и «Танго старой гвардии» принесет немало радости всем, кто тоскует по ушедшим изысканным временам, когда люди передевались к обеду, а в казино пускали только в смокинге.

The Wall Street Journal

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные – миром.

ABC Cultural

Артуро Перес-Реверте, не покидая своего мира, меняет регистр и пишет великолепную историю любви. Но мало того, «Танго старой гвардии» – громадное и тщательно подкрепленное документами историческое полотно, изображающее Европу двадцатых, тридцатых и шестидесятых. Здесь есть любовь, есть глубокие чувства и поразительный, мощно заряженный эротизм. И разумеется, без приключений дело тоже не обойдется.

El País

Сильная сторона «Танго старой гвардии» – исторические детали и роскошные описания экзотических декораций и шикарных суаре в обстановке политического насилия. Движущая сила романа – глубоко несовершенная человечность обоих главных героев, их желания, их неспособность доверять никому, даже друг другу, невзирая на прочнейшую между ними связь... Артуро Перес-Реверте вызывает к жизни романтический дух старого черно-белого кино, невозможно шикарный и неоспоримо печальный.

Kirkus Reviews

«Танго старой гвардии» – лучший роман Переса-Реверте... Эрос, жизнь, желания и приключения – и все это рассказано идеально.

La Vanguardia

Этот элегантный триллер, блистающий остроумными диалогами, горячо рекомендуется всякому читателю, знающему толк в утонченной литературе.

Library Journal

Головокружительный и прихотливый исторический роман.

Oprah's Book Club

Мало кто из современных авторов умеет так блестяще живописать безрассудную отвагу.

The Christian Science Monitor

«Танго старой гвардии» – шедевр. Читать этот роман – все равно что смотреть классическое кино. Сюжет легко порхает из дансингов Буэнос-Айреса 1920-х на шахматный турнир в Италии 1960-х и назад, в Ниццу 1930-х. Здесь Артуро Перес-Реверте делает то, что умеет лучше всего на свете: переносит нас в иные места, иные времена; и когда мы переворачиваем последнюю страницу, нас охватывает ностальгия.

Murder by the Book

Перес-Реверте безупречно внимателен к историческим деталям и тонко понимает людей, человеческую душу, а его персонажи глубоки и многомерны.

The Dallas News

Зрелый, цельный роман, воплотивший наилучшие качества Переса-Реверте: безупречное повествование, в котором напряжение не ослабевает ни на миг; прекрасная, эффектная история, рассказанная роскошной, элегантной

прозой. И нет на свете другого писателя, умеющего так задевать читательскую душу.

El Español

«Танго старой гвардии» – восхитительно живая история смутной и страстной любви, предательств и интриг, которая длится четыре десятилетия в мучительном и завораживающем столетии, в сумерках ныне угасшей эпохи.

Todo Literatura

Перес-Реверте – живой классик, которого сравнивают с Александром Дюма и Жюлем Верном. Его мастерство рассказчика неизменно подкрепляется стоическим взглядом на бытие, трагическим смирением перед диктатом природы, торжеством игры и риска, которые и составляют человеческую жизнь.

El Cultural

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Артуго Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, чьи сочинения подобны лучшим работам Спилберга, сдобренным толикой Умберто Эко. Его зовут Артуго Перес-Реверте.

La Repubblica

* * *

И все же такой женщине, как вы, нечасто суждено совпасть на земле с таким мужчиной, как я.

Джозеф Конрад

В ноябре 1928 года Армандо де Троэйе отправился в Буэнос-Айрес сочинять танго. Он мог себе позволить такое путешествие. Сорокатрехлетний автор «Ноктюрнов» и «Пасодобля для Дон Кихота» пребывал в зените славы, и не было в Испании иллюстрированного журнала, где не появилось бы фотографий композитора об руку с красавицей-женой на борту трансатлантического лайнера «Кап Полоний» компании «Гамбург-Зюд»¹. Самым удачным вышел

¹ «Гамбург-Зюд» (полное название – Hamburg Südamerikanische Dampfschiffahrts-Gesellschaft) – германская судоходная компания, основанная в 1871 году.

снимок в журнале «Бланко и негро» под рубрикой «Высший свет»: на палубе первого класса стоит чета Троэе; муж (в английском макинтоше на плечах, одна рука – в кармане пиджака, в другой – сигарета) шлет прощальную улыбку собравшимся на пирсе; жена кутается в шубку, и светлые глаза, мерцающая из-под элегантной шляпы, обретают, по восторженному мнению автора подтекстовки, «восхитительную золотистую глубину».

Вечером, когда еще не скрылись из виду береговые огни, Армандо де Троэе переоделся к ужину, немного промешкав со сборами из-за приступа легкой, но не сразу унявшейся мигрени. Однако он настоял, чтобы жена дожидалась его не в каюте, а в салоне, откуда уже доносилась музыка, сам же с присущей ему обстоятельностью еще сколько-то времени перекладывал сигареты в золотой портсигар, прятал его во внутренний карман смокинга, а по другим рассовывал все необходимое для вечернего бдения – золотые же часы с цепочкой и зажигалку, два тщательно сложенных носовых платка, коробочку с таблетками пепсина, бумажник крокодиловой кожи с визитными карточками и мелкими купюрами для чаевых. Потом погасил верхний свет, закрыл за собой дверь в каюту люкс и, принаравливая шаг к мягкому покачиванию палубы, пошел по ковровой дорожке, приглушавшей гул машин, которые содрогались и грохотали где-то глубоко внизу, в самых недрах огромного корабля, увлекая его в атлантическую тьму.

Прежде чем пройти в салон, откуда навстречу ему со списком гостей уже спешил метрдотель, Армандо де Троэе отразился в большом зеркале холла крахмальной белизной манишки и манжет, глянцево-лоском черных туфель. Вечерний костюм, как всегда, подчеркивал хрупкое изящество его фигуры – композитор был среднего роста, с правильными, но невыразительными чертами лица, которым придавали привлекательности умные глаза, выхлупленные усы и вьющиеся черные волосы, кое-где уже тронутые ранней сединой. Мгновение Армандо де Троэе чутким ухом профессионала ловил, как ведет оркестр мелодию меланхолического нежного вальса. Потом улыбнулся, слегка и снисходительно – исполнение было верным, хоть и не более того, – заложил руку в карман брюк, ответил на приветствие метрдотеля и двинулся следом за ним к столику, зарезервированному на все время плавания в лучшей части салона. Знаменитость узнавали, провожали пристальными взглядами. От неожиданности и восхищения затрепетали ресницы красивой дамы с изумрудами в ушах. Когда оркестр начал следующую пьесу – еще один медленный вальс, – де Троэе усаживался за стол, на котором под недвижным пламенем электрической свечи в стеклянном тюльпане стоял нетронутый коктейль с шампанским. С танцевальной площадки, то и дело заслоняемая вертящимися в вальсе парами, улыбалась композитору его молодая жена. Мерседес Инсунса де Троэе, появившаяся в салоне на двадцать минут раньше, кружилась в объятиях статного молодого человека во фраке – профессионального танцора, по долгу службы, по судовой роли обязанного занимать и развлекать пассажиров первого класса, путешествующих в одиночку или оказавшихся без кавалера. Улыбнувшись в ответ, Армандо де Троэе закинул ногу на ногу, с несколько преувеличенной придирчивостью выбрал сигарету и закурил.

1. Жиголо

В прежние времена у каждого из подобных ему была тень. Он был лучшим. Безупречно двигался на пятачке дансинга, а за его пределами был несуетлив, но проворен, всегда готов поддержать разговор уместной фразой, остроумной репликой, удачным и своевременным замечанием. Это обеспечивало расположение мужчин и восхищение женщин. Он зарабатывал на пропитание бальными танцами – танго, фокстрот, вальс-бостон – и, когда говорил, не знал себе равных в умении пускать словесные фейерверки, а когда молчал – навевать приятную меланхолию. За долгие годы успешной карьеры у него почти не случилось осечек и промахов: любой состоятельной женщине вне зависимости от возраста трудно было отказать ему, где бы ни устраивалась вечеринка с танцами – в залах «Паласа», «Ритца», «Эксельсиора», на террасах Ривьеры или в салоне первого класса трансатлантического лайнера. Он принадлежал к той породе мужчин, которые по утрам во фраке сидят в кондитерской, пригласив на чашку шоколада прислугу из того самого дома, где накануне вечером она подавала ужин после бала. Он обладал таким даром или свойством природы. Однажды по меньшей мере случилось ему спустить в казино все до нитки и вернуться домой без гроша, стоя на площадке трамвая и с напускным безразличием насвистывая «Тот, кто банк сорвал в Монако». И так элегантно умел он раскуривать сигарету или завязывать галстук, так безупречно были всегда отглажены сверкающие манжеты его сорочек, что взять его полиция осмеливалась не иначе как с поличным.

– Макс.

– Слушаю, хозяин.

– Можете отнести вещи в машину.

Играя на хромированных частях «Ягуара Марк Х», солнце Неаполитанского залива режет глаза точно так же, как прежде, когда под его лучами ослепительно вспыхивал металл других автомобилей, сам ли Макс Коста водил их или кто другой. Так, да не так: и это тоже переменялось неузнаваемо, и даже былой тени не найдешь нигде. Он смотрит себе под ноги и, более того, чуть сдвигается с места. Без результата. Он не может точно сказать, когда именно это случилось, да это и не важно, в сущности. Тень ушла со сцены, осталась позади, как и многое другое.

Сморщившись – то ли в знак того, что ничего не попишешь, то ли просто оттого, что солнце бьет прямо в глаза, – он, чтобы отделаться от мучительного ощущения, накатывающего на него всякий раз, когда ностальгии или тоске одиночества удастся разгуляться всерьез, старается думать о чем-нибудь конкретном и насущном: о давлении в шинах при массе полной и массе снаряженной, о том, плавно ли ходит рычаг переключения скоростей, об уровне масла. Потом, протерев замшевой тряпочкой посеребренного зверя на радиаторе и вздохнув глубоко, но не тяжко, надевает серую форменную тужурку, сложенную на переднем сиденье. Застегивает ее на все пуговицы, поправляет узел галстука и лишь после этого неторопливо поднимается по ведущим ко главному входу ступеням, по обе стороны которых стоят безголовые мраморные статуи и каменные вазы.

– Не забудьте саквояж.

– Не беспокойтесь, хозяин.

Доктору Хугентоблеру не нравится, когда прислуга называет его «доктором». «В этой стране, – часто повторяет он, – плюнешь – не в *dottori* попадешь, так в *cavalieri* или *commendatori*². А я – швейцарский врач. Это серьезно. И я не желаю, чтобы меня принимали за одного из них – за племянника кардинала, за миланского промышленника или еще за кого-то

² Принятое в Италии вежливое обращение к человеку, окончившему университет (*dottore*); удостоенному высоких правительственных наград (*commendatore*) или занимающему высокое положение в обществе (*cavaliere*).

подобного». А к самому Макс Косте все обитатели виллы в окрестностях Сорренто обращаются просто по имени. И это не перестает удивлять его, потому что за жизнь он успел поносить много имен: в зависимости от обстоятельств и требований момента – с аристократическими титулами и без, изысканных или самых простонародных. Но вот уже довольно давно, с тех пор как тень его помахала платочком на прощанье – как женщина, что исчезает навсегда в клубах пара, заволакивающего окно спального вагона, а ты так и не понял, сейчас ли она скрылась из виду или уже давно начала двигаться прочь, – он зовется своим собственным, настоящим именем. Взамен тени вернулось имя: то самое, что до вынужденного, относительно недавнего и в известной степени естественного уединения, отмеренного тюремным сроком, значилось в пухлых досье, собранных полицейскими в половине стран Европы и Америки. Так или иначе, думает он сейчас, ставя в багажник кожаный саквояж и чемодан «Самсонайт», никогда, никогда, как бы солоно ни приходилось, даже вообразить было невозможно, что на закате дней своих будет говорить «слушаю, хозяин», отзываясь на свое крестное имя.

– Поехали, Макс. Газеты положили?

– У заднего стекла, хозяин.

Хлопают дверцы. Усаживая пассажира, он надевает, снимает и снова надевает форменную фуражку. Сев за руль, кладет ее на соседнее сиденье и с давним неизбывным кокетством смотрит в зеркало заднего вида, прежде чем поправить седую, но еще пышную шевелюру. И думает, что эта фуражка, как ничто другое, подчеркивает невеселый комизм ситуации и метит тот бессмысленный берег, куда житейские волны выбросили его после губительного кораблекрушения. Но тем не менее всякий раз, когда в своей комнате на вилле он бреется перед зеркалом и, как шрамы, оставленные страстями и битвами, считает морщины, у каждой из которых есть имя – женщины, рулетка, рассветы неопределенности, полдни славы или ночи неудач, – он ободряюще подмигивает своему отражению, словно в этом рослом и пока еще вовсе не дряхлом старике с темными усталыми глазами узнаёт давнего и верного сообщника, которому ничего не надо объяснять. В конце концов, фамильярно, немного цинично и не без злорадства говорит ему отражение, просто необходимо признать, что в шестьдесят четыре года, да с такими картами на руках, что в последнее время сдает тебе жизнь, просто грех жаловаться. В схожих обстоятельствах другим – Энрико Фоссатаро, например, или старому Шандору Эстерхази – пришлось выбирать, обратиться в благотворительную службу социального призрения или смастерить удавку из собственного галстука и минутку подергаться в ванной комнате убогого гостиничного номера.

– Что там слышно в мире? – говорит Хугентоблер.

С заднего сиденья доносится вялый шелест перелистываемых страниц. Это не вопрос, а скорее комментарий. В зеркало Макс видит опущенные глаза хозяина, сдвинутые на кончик носа очки для чтения.

– Русские еще не сбросили атомную бомбу?

Хугентоблер, разумеется, шутит. Швейцарский юмор. Когда доктор в духе, он любит пошутить с прислугой – может быть, потому, что у него, человека холостого, нет семьи, которая посмеется его остроумию. Макс раздвигает губы, обозначая учтивую улыбку. Сдержанную и, если смотреть издали, вполне уместную.

– Ничего такого особенного: Кассиус Клей выиграл очередной бой... Астронавты «Джемини XI» вернулись домой целыми и невредимыми... Разгорается война в Индокитае.

– Во Вьетнаме, хотите сказать?

– Да-да. Во Вьетнаме. А из местных новостей – в Сорренто начинается шахматный матч на приз Кампанеллы: Келлер против Соколова.

– Господи боже... – говорит Хугентоблер с рассеянным сарказмом. – Ах-ах-ах, какая жалость, что я не смогу присутствовать. Чем только люди не занимаются...

– Да уж...

– Нет, вы только представьте – всю жизнь пялиться на шахматную доску. Непременно повредишься в рассудке. Вроде как этот Бобби Фишер.

– Ну да.

– Поезжайте по нижней дороге. Время есть.

Скрип гравия под шинами стихает – «ягуар» выехал за железную ограду и медленно катит по бетону автострады, обсаженной оливами, мастиковыми и фиговыми деревьями. Макс мягко притормаживает на крутом повороте – и вот за ним открывается тихое сияющее море, против света похожее на изумрудное стекло, силуэты пиний, домики, лепящиеся на склоне горы, и Везувий по ту сторону залива. Позабыв на миг о присутствии пассажира, Макс поглаживает руль, всецело отдавшись удовольствию от вождения, благо две точки расположены во времени и в пространстве так, что можно слегка расслабиться. Врывающийся в окно ветер напоен медом, и смолой, и последними ароматами лета – в здешних местах оно всегда сопротивляется смерти, простодушно и ласково сражаясь с листками календаря.

– Чудесный день, Макс.

Моргнув, он возвращается к действительности и снова поднимает глаза к зеркалу заднего вида. Доктор Хугентоблер, отложив газеты в сторону, подносит ко рту гаванскую сигару.

– В самом деле.

– Когда вернусь, все будет уже совсем иначе.

– Будем надеяться, что нет. Всего три недели.

Вместе с клубом дыма Хугентоблер испускает невнятное бурчание. Этому краснолицему благообразному человеку принадлежит санаторий в окрестностях озера Гарда. Своим состоянием он обязан богатым евреям, просыпавшимся посреди ночи оттого, что приснилось, будто они по-прежнему – в лагерном бараке, снаружи доносится лай караульных собак и эсэсовцы сейчас поведут в газовую камеру. Хугентоблер вместе со своим партнером, итальянцем Баккелли, в первые послевоенные годы лечил их, помогал забыть об ужасах нацизма и избавиться от кошмарных видений, а по окончании курса рекомендовал совершить поездку в Израиль, организуемую дирекцией, и присылал астрономические счета – благодаря им он и может теперь содержать дом в Милане, квартиру в Цюрихе и виллу в Сорренто с пятью автомобилями в гараже. Вот уже три года Макс водит их и отвечает за техническое состояние, а также следит, чтобы все было в исправности и порядке на вилле, где, кроме него, служат еще садовник и горничная – супруги Ланца из Салерно.

– Прямо в аэропорт не надо. Проедем через центр.

– Слушаю, хозяин.

Скользнув беглым взглядом по циферблату «Фестины» на левом запястье – часы в корпусе поддельного золота идут верно, а стоят дешево, – Макс вливается в редкий поток машин, мчащих по Корсо Италия. Действительно, времени более чем достаточно, чтобы доктор на моторном катере успел добраться из Сорренто на другой берег, минуя все извивы и повороты дороги, ведущей в аэропорт Неаполя.

– Макс.

– Да, хозяин?

– Остановите у Руфоло и купите мне коробку «Монтекристо номер два».

Трудовые отношения между Максом Костой и будущим работодателем были урегулированы мгновенно, с первого взгляда, которым психиатр окинул претендента, тотчас потеряв интерес к лестным – и наверняка лживым – рекомендациям его предшественников и соперников. Хугентоблер, человек практического склада, свято уверенный, что профессиональное чутье и житейская опытность никогда не подведут и помогут разобраться в особенностях «condition humaine»³, решил, что стоящий перед ним элегантный, хоть и несколько потаскан-

³ Условия человеческого существования (*фр.*); здесь – «природа человеческая».

ный человек с открытой, почтительной и спокойной манерой держаться, с благовоспитанной сдержанностью, сквозящей в каждом жесте и слове, есть олицетворение порядочности и приличий, воплощение достоинства и компетентности. И кому же, как не ему, вверить попечение о том, чем так гордится доктор из Сорренто, – великолепную коллекцию автомобилей, в которой имелись «ягуар», «Роллс-Ройс Сильвер Клауд II» и три антикварные диковины, в том числе и «Бугатти 50Т купе». Разумеется, Хугентоблер и вообразить себе не мог, что в былые времена его нынешний шофер сам раскатывал в машинах не менее роскошных – собственных или чужих. Будь сведения швейцарца полнее, он пересмотрел бы, пожалуй, свои воззрения и счел бы нужным подыскать себе колесничего с наружностью менее импозантной и с биографией более заурядной. И, сочтя так, просчитался бы. Ибо всякий, кто сведущ в оборотной стороне явлений, понимает: люди, потерявшие свою тень, подобны женщинам с богатым прошлым, подписывающим брачный контракт: не бывает жен вернее – они знают, чем рискуют. Но, разумеется, не Макс Косте просвещать доктора Хугентоблера по части мимолетности теней, порядочности потаскух или вынужденной честности тех, кто был сначала жиголо, а потом так называемым вором в белых перчатках. Впрочем, белыми они оставались не всегда.

Когда моторный катер «Рива» отваливает от дебаркадера «Марина Пиккола», Макс Коста еще несколько минут стоит, опершись на ограждение волнолома и глядя вслед суденышку, скользящему по голубому клинку залива. Потом развязывает галстук, снимает форменную тужурку и, перебросив ее через руку, идет к автомобилю, припаркованному возле управления финансовой гвардии, у подножья обрывистой горы, возносящейся к Сорренто. Сунув пятьдесят лир мальчику, присматривавшему за «ягуаром», садится за руль и медленно выезжает на дорогу, по замкнутой кривой поднимающуюся к городку. На площади Тассо останавливается, пропуская вышедшую из отеля «Виттория» тройцу – двух женщин и мужчину, – и рассеянно смотрит, как, держась почти вплотную к радиатору, они проходят мимо. У всех троих вид богатых туристов – из тех, что предпочитают приезжать не в пик сезона, когда так многолюдно и шумно, а попозже, чтобы спокойно наслаждаться морем, солнцем и хорошей погодой, благо она тут держится до глубокой осени. Мужчине – темные очки, пиджак с замшевыми заплатами на локтях – на вид лет тридцать. Младшая его спутница – хорошенькая брюнетка в мини-юбке; длинные волосы собраны в «конский хвост». Старшая – женщина более чем зрелых лет – в бежевом кардигане, в темной юбке, в мужской твидовой шляпе на очень коротко остриженной серебристо-седой голове. Птица высокого полета, наметанным глазом определяет Макс. Такая элегантность достигается не самой одеждой, а умением ее носить. Это выше того среднего уровня, который даже в это время года встречается на виллах и в хороших отелях Сорренто, Амальфи и Капри.

В этой женщине есть нечто такое, отчего невольно провожаешь ее глазами. Может быть, дело в том, как она держится, как неторопливо и уверенно идет, небрежно сунув руку в кармашек вязаного жакета: эта манера присуща тем, кто всю жизнь твердо ступает по коврам, устилающим мир, который принадлежит им. А может быть, в том, как поворачивает голову к своим спутникам и смеется каким-то их словам или сама произносит что-то, но что именно – не слышно за поднятыми стеклами машины. Так или иначе, но на одно стремительное мгновение, как бывает, когда в голове вдруг вихрем проносятся разрозненные обрывки забытого было сна, Макс удивляется, что он ее знает. Что узнаёт какой-то давний, дальний образ, жест, голос, смех. Все это так удивляет его, что, лишь вздрогнув от раздавшегося сзади требовательного гудка, он приходит в себя, включает первую передачу и проезжает немного вперед, не сводя глаз с тройцы, которая уже пересекла площадь Тассо и заняла, не ища тени, столик на веранде бара «Фауно».

Макс уже почти на углу Корсо Италия, когда память его вновь будоражат знакомые ощущения, но на этот раз воспоминание конкретней – отчетливей лицо, внятнее голос. Яснее пред-

стает какой-то эпизод или даже череда сцен. Удивление сменяется ошеломлением, и он давит на педаль тормоза так резко, что водитель задней машины опять сигналил ему в спину, а потом негодуя жестикулирует, когда «ягуар» внезапно и стремительно уходит направо и притирается к обочине.

Макс вынимает ключ из замка зажигания и несколько секунд сидит неподвижно, разглядывая свои руки на руле. Потом вылезает из машины, натягивает тужурку и под пальмами, которыми обсажена площадь, шагает к террасе бара. Он встревожен. Он, можно даже сказать, напуган тем, что реальность вот-вот подтвердит смутное наитие. Троица все еще сидит на прежнем месте и занята оживленным разговором. Стараясь, чтобы не заметили, Макс прячется за кустами небольшого сквера, метрах в десяти от стола, и теперь женщина в твидовой шляпе обращена к нему в профиль: она болтает со своими спутниками, не подозревая, как внимательно за ней наблюдают. Да, вероятно, в свое время была очень хороша, думает Макс, лицо ее и сейчас, как принято говорить, хранит следы былой красоты. Может быть, это и есть та, о ком я думаю, размышляет он, мучаясь сомнениями, но определенно утверждать нельзя. Слишком много женских лиц промелькнуло за время, объявшее и «до», и долгое-долгое «после». По-прежнему скрываясь за кустами, он вглядывается, ловит какие-то ускользающие черточки, способные освежить память, но так и не может прийти ни к какому выводу. Наконец спохватывается: если будет торчать здесь и дальше, непременно привлечет к себе внимание, – и, обогнув террасу, усаживается за столик в глубине. Заказывает негрони⁴ и еще минут двадцать изучает женщину, сопоставляя ее манеры, повадки, жесты с теми, что хранит его память. Когда трое покидают бар и снова переходят площадь, направляясь к улице Сан-Чезарео, Макс наконец узнает ее. Или думает, что узнал. Держась поодаль, он идет следом. Лет сто уж не билось так сильно его старое сердце.

Хорошо танцует, отметил Макс Коста. Раскованно и даже не без дерзости. Отважилась повторить за ним неожиданное, сложное, вычурное па, которое он сделал специально, чтобы опробовать ее мастерство: менее ловкая женщина нипочем бы не справилась. Лет двадцати пяти, прикинул он. Высокая, стройная, руки длинные, с тонкими запястьями, а ноги под легким, темным, на свету отливающим в лиловое шелком, который открывает ее плечи и спину до самой талии, кажутся просто бесконечными. Она была на высоких каблуках, подobaющих вечернему туалету, и потому лицо – невозмутимое, хорошо очерченное и вылепленное – приходилось вровень с лицом Макса. Золотисто-русые волосы по последней моде сезона были слегка подвиты и коротко подрублены сзади, на затылке. Танцуя, она смотрела в одну точку – чуть выше фрачного плеча, где лежала ее рука с обручальным кольцом на безымянном пальце. Ни разу после того, как Макс с учтивым поклоном пригласил ее на медленный вальс-бостон, он так и не встретился с ней глазами. А они у нее под ровными дугами высоких, выщипанных в ниточку бровей цветом напоминали прозрачный, текучий мед и были слегка подведены – ровно настолько, насколько нужно, точно так же как в самую меру были чуть тронуты помадой губы. Ничего общего с другими пассажирками, которым Макс Коста оказывал внимание в тот вечер, – зрелыми дамами, крепко надушенными пачулями или сиренью, и неуклюжими, затянутыми в светлые платья с короткими юбками барышнями, которые прикусывали губы, силясь не сбиться с такта, вспыхивали, когда он обхватывал их талию, и хлопали в ладоши при звуках «хупы-хупы». Так что танцор с «Полония» впервые за весь вечер начал получать удовольствие от своей работы.

Они так и не взглянули друг на друга, пока оркестр, завершив бостон «What I'll Do», не начал танго «В сумраке». На мгновение замерли на полупустой площадке, и Макс, увидев,

⁴ *Негрони* – коктейль-аперитив на основе джина и вермута. Назван в честь изобретателя, французского генерала Паскаля-Оливье, графа де Негрони.

что она не спешит возвращаться к своему столику, куда только что сел человек в смокинге – муж, без сомнения, – при первых тактах приглашающе развел руки, и женщина все так же бесстрастно подчинилась. Опустила левую руку на плечо партнеру, томно протянула ему правую и пошла (точнее говоря, «заскользила», подумал Макс) по паркету, как и прежде уставившись медовыми глазами куда-то поверх головы кавалера: она как будто его не замечала, но при этом с поразительной точностью повиновалась уверенному медленному ритму, в котором он вел ее, стараясь сохранять почтительное расстояние – ни на дюйм не меньше нужного для правильного выполнения фигур.

– Как вам здесь нравится? – спросил он, исполнив сложное па, которое она повторила с полнейшей непринужденностью.

Она наконец удостоила его мимолетным взглядом. И кажется, намеком на улыбку – мелькнувшую и тотчас вслед за тем исчезнувшую.

– Здесь прекрасно.

В последние годы танго, возникшее в Аргентине и вошедшее в моду на парижских «балах апашей», производило фурор по обе стороны Атлантики. И неудивительно, что танцевальная площадка немедленно заполнилась парами, с большей или меньшей грацией выполнявшими разнообразные фигуры, причем выполнение это в зависимости от мастерства варьировало от пристойного до смехотворного. Партнерше Макса меж тем легко удавались самые сложные па – причем и классические, ожидаемые и предусмотренные, и такие, которые он, с каждой минутой все больше доверяя своей даме, изобретал на ходу, в свойственных ему изысканно-простом стиле и чуть замедленном темпе, а она, ни разу не сбившись, не потеряв ритма, следовала за ним естественно и свободно. И тоже получала явное удовольствие от движения и музыки – об этом можно было судить и по улыбке, которой после каких-нибудь особо замысловатых фигур она теперь иногда одаривала Макса, и по тому, что время от времени ее золотистый взгляд, возвращаясь из неведомых далей, на несколько секунд обращался к партнеру. Во время танца Макс наметанным глазом терпеливого охотника изучал мужа своей дамы. Он привык оценивать женщин, с которыми танцевал, еще и по тому, какие у них мужья, отцы, братья, сыновья, любовники. Одним словом, мужчины, сопровождавшие их кто горделиво, кто высокомерно, кто со скучливой досадой, кто с равнодушной покорностью судьбе, – и роднила все эти разнообразные чувства лишь их принадлежность к сильному полу. Многие могут рассказать о человеке булавка в галстук, часовая цепочка, портсигар и перстень, толщина бумажника, полуоткрытого при расплате с лакеем в ресторане, покрой костюма и добротность ткани, из которой он шит, стрелка на брюках и глянец на башмаках. И даже узел, каким повязан галстук. Все эти сведения позволяли Максиму Косте в такт музыке намечать цель и определять пути к ее достижению, а выражаясь прозаически – переходить от бальных танцев к занятиям более прибыльным. Прожитые годы и знание жизни сошлись воедино в словах, сказанных ему семь лет назад в Мелилье графом Борисом Долгоруким-Багратионом, капралом первой роты Иностранного легиона, за полторы минуты до того, как от бутылки сквернейшего коньяка его вывернуло наизнанку на заднем дворе борделя некой Фатимы:

– Вот что я тебе скажу, милейший мой Макс: женщину нельзя оценивать саму по себе. Женщина, помимо того и сверх того, – это мужчины, которые у нее были, есть и еще могут быть. Без этого ни одну невозможно понять... И тот, кто примет весь список, тот и завладеет ключом от ее сейфа. И проникнет в ее тайны.

Когда музыка смолкла, Макс, проводив даму до места, смог разглядеть поближе мужа – элегантного, уверенного в себе господина за сорок. Его никак нельзя было назвать красавцем, но привлекательности ему добавляли тонкие, выхоленные усы, волнистые, уже начинавшие седеть волосы, живые и умные глаза, которые, как догадался Макс, замечали мельчайшие подробности всего, что происходило на площадке. Еще прежде, чем приблизиться к его жене, Макс нашел их имена в списке гостей, и метрдотель подтвердил: да, это испанский композитор

Армандо де Троэе с супругой, плывут первым классом, каюта люкс, за обедом места им зарезервированы в главном зале судового ресторана, за капитанским столом, что в мире лайнера «Полоний» означало большие деньги или чрезвычайно видное положение в обществе, а чаще то и другое вместе.

– Вы доставили мне истинное удовольствие, сеньора. Превосходно танцуете.

– Спасибо.

Макс отдал короткий, почти военный полупоклон, зная, что его партнершам нравится и эта его манера благодарить за танец, и та непринужденность, с какой он брал и подносил к губам руку дамы, – а Меча Инсунса де Троэе, прежде чем сесть на стул, предупредительно отодвинутый поднявшимся с места мужем, ответила легким и холодным кивком. Макс повернулся, пригладил с боков – сперва левой рукой, а потом правой – блестящие, черные, чуть припомаженные волосы, зачесанные назад, и удалился. Огибая танцующих, он шел с учтивой улыбкой на губах, ни на кого не глядя, но чувствуя, что все его сто семьдесят девять сантиметров, облитые безупречным фраком (купленным на последние деньги перед подписанием контракта с пароходством), приковывают к себе любопытные взгляды дам, еще оставшихся за столами, – многие пассажиры уже поднялись и потянулись в ресторан. «Половина присутствующих сейчас глубоко презирают меня, – подумал он, весело и привычно принимая свой удел. – Другую половину составляют женщины».

Троица меж тем останавливается перед лавочкой с сувенирами, открытками и книгами. Хотя с окончанием сезона закрылись многие магазины и рестораны Сорренто, в том числе и несколько роскошных бутиков на Корсо Италия, старый квартал с центром на Сан-Чезарео по-прежнему любим туристами и исправно ими посещается. Улица неширока, так что Макс должен остановиться на изрядном расстоянии – возле магазина деликатесов: укрепленная в деревянной раме на подставке грифельная доска, где мелом выведен перечень товаров, служит ему надежным укрытием. Девушка с «конским хвостом» вошла внутрь, а двое ее спутников остались на тротуаре. Черноволосый красивый молодой человек смеется, сняв темные очки. Женщина в твидовой шляпе, вероятно, относится к нему с нежностью, потому что минуту назад ласково погладила его по щеке. Вот молодой человек сказал что-то смешное, и она расхохоталась так громко, что до соглядатая отчетливо донесся ее смех – звонкий и безудержный: смех ее очень молодит, а Макса заставляет вздрогнуть от нахлынувших воспоминаний. Это она, убеждается он окончательно. Минуло двадцать девять лет с тех пор, как он видел ее в последний раз. Тогда над осенним побережьем моросил дождь: под балюстрадой, отделяющей от пляжа проспект Англичан, носился по влажной гальке пес, и Ницца, раскинувшаяся за белым фасадом отеля «Негреско», теряя четкость очертаний, расплывалась в серой влажной дымке. Столько времени минуло от одной встречи до другой, что немудрено, если воспоминания путаются. Тем не менее бывший жиголо, ныне управляющий и водитель доктора Хугентоблера, больше не сомневается. Конечно, это та самая женщина. Он узнаёт ее манеру смеяться и наклонять голову набок, несуетливость повадок и естественное изящество движений. И эту привычку держать одну руку в кармане. Макс хочет подойти и взглянуть на нее вблизи, чтобы развеять последние сомнения, но не смеет. Тут в дверях сувенирной лавки появляется девушка, и вот все трое уже идут обратно; и пока они еще не поравнялись с гастрономом, Макс успевает торопливо спрятаться за грифельную доску. Оттуда он провожает взглядом женщину в твидовой шляпе, еще раз всматривается в ее профиль и, вздрогнув, понимает, что не ошибся. Текучий прозрачный мед ее глаз подтверждает его правоту. И, по-прежнему держась поодаль, Макс следует за троицей до самой площади Тассо, до ворот отеля «Виттория».

Он снова увидел ее на следующий день, на шлюпочной палубе. Это получилось случайно: ни ему, ни ей нечего было там делать. Макс, как и всему персоналу, в отличие от судовой

команды, не было доступа в зону первого класса. И чтобы не появляться на прогулочной палубе левого борта, где пассажиры в парусиновых шезлонгах и плетеных креслах принимали воздушные ванны – правый борт предназначался тем, кто предпочитал кегли, шаффлборд⁵ или стрельбу по тарелочкам, – ему пришлось по короткому трапу подняться туда, где по обе стороны от трех огромных красно-белых труб под брезентом стояло шестнадцать, по восемь в ряд, спасательных шлюпок. Место это было тихое и безлюдное – нечто вроде нейтральной территории, куда не заглядывают пассажиры, потому что громоздкие лодки нарушают уют и портят вид. Но для тех, кто все же решил заглянуть туда, предусмотрены были деревянные скамьи – и вот на одной из них Макс, пройдя между выкрашенной в белый цвет крышкой палубного люка и огромным раструбом вентиляционного кожуха, подающим свежий воздух внутрь корабля, увидел и узнал ту, с кем танцевал накануне вечером.

День был ясный, безветренный и для этого времени года – теплый. Макс, вышедший запросто, без шляпы, без перчаток и трости, в серой пиджачной паре, белой рубашке и галстучке в горошек, ограничился поэтому легким поклоном. Когда, проходя мимо, он на миг заслонил солнце, женщина в элегантном кашемировом костюме – жакет три четверти, с прямой плиссированной юбкой – оторвалась от книги, которую держала на коленях, подняла голову в фетровой шляпке с опущенными полями, делавшими лицо уже, и посмотрела на него. По мелькнувшей в ее глазах искорке Макс понял, что его узнали, и с тактом, продиктованным обстоятельствами встречи и положением каждого из них двоих на этом пароходе, позволил себе на миг задержаться и сказать:

– Добрый день.

Она, уже было опустившая голову, при этих словах вновь вскинула глаза и ответила безмолвным кратким кивком.

– Я... – начал он, ощущая внезапную скованность оттого, что вступал на зыбкую почву, и уже раскаиваясь, что заговорил.

– Помню, – отвечала она спокойно. – Мой вчерашний кавалер.

И оттого что произнесено было «кавалер», а не «партнер», он вдруг проникся к ней благодарностью.

– Не помню, успел ли сказать вам, что вы чудесно танцуете.

– Успели.

И вновь взялась за книгу. Покуда раскрытый том лежал у нее на коленях, он заметил, что это. Бласко Ибаньес «Четыре всадника Апокалипсиса».

– Всего доброго. Приятного чтения.

– Спасибо.

Он пошел дальше, не зная, читает ли она или смотрит ему вслед. Шел руки в карманы, стараясь держаться независимо и свободно. Остановился у крайней шлюпки и, спрятавшись за ней от ветра, достал из серебряного портсигара с чужой монограммой на крышке сигарету, прикурил. И воспользовался этим, чтобы незаметно оглянуться туда, где на скамейке склонившаяся над книгой женщина продолжала читать. И оставалась все так же невозмутима.

Отель «Виттория». Застегивая тужурку, Макс Коста проходит под золоченой вывеской на железной арке входа, здоровается со швейцаром и шагает дальше по широкой дорожке, окаймленной столетними пиниями и разнообразными кустами. Парк здесь тянется от площади Тассо до самого края обрыва, нависая над зданием морского вокзала «Марина Пикколо» и над морем, где возвышаются три корпуса гостиницы. Спустившись по небольшой лестнице, Макс оказывается в холле центрального здания, перед стеклянной стеной, за которой видны зимний

⁵ *Шаффлборд* – настольная игра: монеты или металлические диски щелчком передвигают по разделенной на девять клеток доске; палубный шаффлборд – вариант той же игры на палубе с палками и деревянными дисками.

сад и террасы, заполненные – как странно для этого времени года – множеством людей: они пьют аперитивы. Слева, за стойкой портье, стоит Тициано Спадаро – их знакомство относится к тем давним временам, когда нынешний шофер доктора Хугентоблера останавливался в отелях такого класса, как «Виттория». Частые и щедрые чаевые, сунутые и принятые незаметно, как велит неписаный закон, подготовили почву для взаимной, искренней, проверенной годами симпатии, которая связывает тех, кого принято называть поделщиками. Отсюда и дружеское «ты», немислимое двадцать лет назад.

– Кого я вижу! Макс! Давно не заглядывал.

– Почти четыре месяца.

– Очень рад тебя видеть.

– Взаимно. Как поживаешь?

Пожав плечами, Спадаро – лысоватый, с выпирающим из-под тесного пиджака брюшком – заводит обычную песню, как трудно живется людям его профессии в мертвый сезон: чаевых мало, постояльцы – в основном те, кто приезжает на уик-энд с девицами, мечтающими о карьере актрисы или модели, да орава горластых янки, которые совершают тур Неаполь – Искья – Капри – Сорренто (в каждом городе – bed and breakfast)⁶ и постоянно требуют воды в бутылках, потому что из-под крана пить опасаются. По счастью, Спадаро показывает на отделенный стеклянной стеной зимний сад, где для межсезонья на удивление многолюдно – спасает положение шахматный матч на приз Кампанеллы: поединок Келлер – Соколов привлек в отель шахматистов, журналистов и болельщиков.

– Мне нужно кое-что у тебя узнать. Потихоньку.

Спадаро не произносит «вроде как в добрые старые времена», однако в его глазах, поначалу удивленных, затем насмешливых, вспыхивает искорка былого – и чуть опасливого – сообщничества. Теперь, на пороге пенсии, когда за плечами пятьдесят лет службы, начавшейся с нажимания кнопок в лифте неапольского «Эксельсиора», он может сказать, что повидал всё. В это «всё» входит и Макс Коста эпохи расцвета. Неужели еще не увял?

– Я думал, ты отошел от дел.

– Я и отошел.

– А-а, – с облегчением произносит старый портье.

Тогда Макс задает свой вопрос: его интересуется дама – уже в годах, элегантная, появляется в сопровождении девушки и молодого человека привлекательной наружности. Вошли в отель десять минут назад. Они – здешние постояльцы?

– Ну да, разумеется. Парень – это не кто иной, как сам Келлер.

Макс моргает не без растерянности. Молодой человек и девушка его как раз не интересуют.

– Кто-кто?

– Хорхе Келлер, чилийский гроссмейстер. Претендент на звание чемпиона мира по шахматам.

Макс наконец припоминает это имя, а Спадаро сообщает подробности. Приз Лучано Кампанеллы, который будет в этом году разыгрываться в Сорренто, учрежден туринским мультимиллионером, одним из основных акционеров «Оливетти» и «Фиата». Страстный поклонник шахмат, он, каждый раз выбирая какой-нибудь заметный итальянский город, а в нем – самый фешенебельный отель, ежегодно устраивает подобные турниры с участием первых шахматистов мира, получающих за это огромные деньги. Нынешняя встреча двух сильнейших – действующего чемпиона мира и претендента на это звание – будет длиться четыре недели и состоится за несколько месяцев до их матча за шахматную корону. Победитель получает пять-

⁶ «Номер плюс завтрак» – схема обслуживания в гостинице, когда в стоимость номера включается стоимость завтрака (англ.).

десять тысяч долларов, проигравший – десять, но, помимо крупной денежной премии, престиж турнира Кампанеллы высок еще и потому, что замечено: победитель этого матча неизменно одерживал верх, завоевывая или сохраняя титул чемпиона мира. Сейчас действующему чемпиону Соколову предстоит играть с Келлером, опередившим всех остальных соперников.

– Так этот юноша и есть Келлер? – удивленно спрашивает Макс.

– Ну да, он самый. Очень душевный малый, без фанаберии – не в пример прочим своим коллегам... Русский, надо сказать, малоприятный тип. Сидит у себя, как барсук в норе... вокруг всегда охрана...

– А она?

Спадаро неопределенно пожимает плечами; надо отдать портье должное – этот жест у него в ходу лишь по отношению к очень редкой категории постояльцев. К тем, о которых почти ничего не известно.

– Невеста. Но тоже числится в составе его команды. – Освежая память, портье листает книгу записи постояльцев. – Ирина ее зовут... Ирина Ясенович. Имя югославское, но паспорт у нее канадский.

– Нет, я имел в виду другую. Седая, коротко стриженная.

– А-а, это мамаша.

– Чья? Невесты?

– Келлера.

Новая встреча произошла два дня спустя, в танцевальном салоне. В тот день капитан устроил торжественный ужин в честь какого-то именитого пассажира, и протокол предписывал мужчинам сменить темный костюм или смокинг на узкий облегающий фрак с крахмальным пластроном и белым галстуком. Сперва пассажиры собрались в салоне и пили коктейли, слушая музыку, потом прошли в ресторан, а после ужина самые молодые или самые неугомонные снова и уже до глубокой ночи засели в салоне. Оркестр, как всегда, начал с нежных медленных вальсов, и партнершами Макса Косты уже раз шесть становились почти исключительно юные барышни и молодые дамы – категория пассажирок, интереса не представляющая. Лишь медленный фокстрот доставил ему некую англичанку – не первой молодости, но довольно хорошенькую, путешествовавшую вдвоем с подругой. Каждый раз, оказываясь в танце рядом с ними, он видел, что они перешептываются, подталкивая друг друга локтями. Англичанка была белокурая, пухленькая, может быть, несколько чопорная. И при этом немного вульгарная, если судить по тому, как обильно была она надушена «My Sin» и обвешана драгоценностями, – но танцевала неплохо. Впрочем, помимо красивых голубых глаз у нее имелось и еще одно неоспоримое достоинство – деньги: подойдя, чтобы пригласить ее, Макс с ходу оценил лежавшую на столе золотую плетеную сумочку, да и драгоценности на первый взгляд казались хороши, особенно сапфировый гарнитур – браслет и серьги: камни в них тянули не меньше чем на четырехста фунтов стерлингов. Ее звали мисс Ханиби, как, сверившись со списком гостей, сообщил Макс управляющий по фамилии Шмюкер (почти вся судовая команда и персонал состояли из немцев), с высоты полувекового опыта трансатлантических плаваний предположивший, что она, скорее всего, вдова или в разводе. Так что Макс, за несколько туров тщательно изучив, как действует на партнершу неизбежно возникающая в танце близость в сочетании с безукоризненными манерами – ни единого неуместного движения, идеально выдержанная дистанция, корректность истинного профессионала – и с победительной мужской улыбкой, озарявшей его лицо, когда он подводил даму к ее месту и слышал покорное «so nice»⁷, – внес англичанку в список возможных жертв. Пять тысяч морских миль и три недели пути сулили многое.

⁷ Так мило (англ.).

На этот раз супруги де Троэе появились вместе. Макс как раз отошел за вазоны с цветами, окаймлявшие эстраду, чтобы передохнуть, выпить стакан воды и выкурить сигарету. Оттуда он и увидел, как они входят, предшествуемые обходительным Шмюкером: держатся рядом, но жена идет чуть-чуть впереди, а за нею следует муж с белой гвоздикой на черном атласе лацкана, правая рука – в кармане, отчего слегка оттопыривается фрачная фалда, в левой – сигарета. Армандо де Троэе, казалось, был глубоко равнодушен к тому, что публика встретила его появление с таким интересом. Что же касается его жены, то она будто сошла со страниц иллюстрированного журнала. Посверкивая жемчугами на шее и в ушах, уверенно постукивая высокими каблуками по настилу чуть покачивающейся палубы, она невозмутимо несла себя, и графически четкие, удлиненные и кажущиеся нескончаемыми линии статного тела угадывались под легким длинным дымчато-зеленоватым платьем (самое малое пять тысяч франков в Париже, на рю де ла Пэ, наметанным глазом определил Макс): оставляя обнаженными руки, плечи и спину до самой талии, оно держалось на единственной тоненькой лямке на шее, открытой обольстительно высоко, до самого затылка. Восхищенный Макс сделал два вывода. Жена де Троэе относится к числу тех женщин, чью элегантность оцениваешь с первого взгляда, а красоту – лишь со второго. И принадлежит к разряду дам, рожденных носить подобные платья так, словно это их вторая кожа.

Потанцевать с ней удалось не сразу. Оркестр заиграл сперва кэмел-трот, а потом все еще не вышедший из моды шимми с нелепым названием «Тутанхамон», и Максусу пришлось одну за другой потешить двух юных бразильских резвухек, которым не терпелось, пусть и под бдительным приглядом – обе пары симпатичных на вид родителей издали следили за дочерьми, – испробовать недавно выученные па, что они и делали довольно изящно и живо, дергая поочередно то левым, то правым плечом вперед-назад до тех пор, пока не выбились из сил сами и едва не довели до изнеможения своего кавалера. А при первых тактах блэк-боттома⁸ «Love and rorson» на Макса предъявила права еще молодая, не очень миловидная, но безукоризненно одетая и наряженная американка, которая мало того что оказалась приятной партнершей, но и незаметно сунула в руку кавалера, когда тот проводил ее на место, сложенную вдвое пятидолларовую купюру. В течение вечера Макс время от времени оказывался у стола, где сидели композитор с женой, но так и не смог встретиться с Мерседес взглядом – всякий раз оказывалось, что она смотрит в другую сторону. Сейчас за столом никого не было, и лакей убирал два пустых стакана. Вероятно, Макс, занятый очередной партнершей, пропустил ту минуту, когда супруги де Троэе поднялись и прошли в ресторан.

Воспользовавшись перерывом – в семь часов начался ужин, – он выпил чашку крепкого бульона. Когда предстояло танцевать, он никогда не ел плотно, следуя еще одной привычке, усвоенной много лет назад в Иностранном легионе, хотя в ту пору танцы были иные и наедаться перед боем солдаты избегали на случай раны в живот. Покончив с бульоном, надел плащ и вышел на прогулочную палубу левого борта выкурить еще одну сигарету, проветриться и поглядеть, как переливается в море отражение восходящей луны. В четверть девятого вернулся в салон, сел за свободный столик неподалеку от эстрады и болтал с музыкантами, пока из ресторана не показались первые пассажиры: мужчины направлялись в игорный зал, в библиотеку или в курительный салон, молодежь и парочки рассаживались вокруг танцевальной площадки. Оркестр принялся настраивать инструменты, Шмюкер взбудрил официантов, зазвучал смех, захлопали шампанские пробки. Макс встал, удостоверился, что галстук-бабочка не сбился набок, манишка и манжеты не вылезли дальше положенного, одернул фрак и обвел салон взглядом, ища, не требуются ли кому-нибудь его услуги. Тут под руку с мужем и вошла она.

⁸ Блэк-боттом – популярный в 1920-е годы танец в ритме чарльстона.

Чета заняла тот же стол. Оркестр начал болеро, и публика немедленно оживилась. Мисс Ханиби и ее подруга не вернулись из ресторана, и Макс не знал, появятся ли они сегодня еще. Впрочем, их отсутствие его обрадовало. Под каким-то вздорным предлогом он пересек площадку, оглянув пары, уже задвигавшиеся под текущую музыку. Супруги продолжали сидеть молча, наблюдая за танцующими. Лакей как раз ставил перед ними два широких низких бокала и ведро со льдом, откуда выглядывало горлышко «Клико», когда Макс остановился у их столика. Поклонился мужу, который сидел нога на ногу, слегка откинувшись на стуле, одной рукой облокотившись на столешницу, а в другой, с поблескивающими на безымянном пальце обручальным кольцом и массивным золотым перстнем с синим камнем, держал очередную сигарету. Затем Макс взглянул на жену, с любопытством рассматривавшую его. На ней не было никаких украшений – ни браслетов, ни колец (было, впрочем, обручальное), – кроме великолепного жемчужного ожерелья и жемчужных же серег. Предлагая себя в качестве кавалера, Макс не произнес ни слова, но лишь снова поклонился – чуть резче, чем в первый раз, уронил и вздернул голову, почти по-военному, с легким щелканьем сдвинув каблуки, после чего замер, пока она медлительной благодарной улыбкой не обозначила отказ. Он уже хотел было извиниться и отойти, когда муж снял локоть со стола, тщательно выровнял стрелки на брюках и, сквозь сигаретный дым взглянув на жену, небрежно сказал:

– Я устал. И похоже, слишком плотно поужинал. Потанцуй, мне приятно будет посмотреть на тебя.

Она поднялась не сразу. Мгновение смотрела на Армандо де Троэйе, а тот снова затаился сигаретой и движением век молча подтвердил разрешение.

– Развлекись, – проговорил он чуть погодя. – Молодой человек чудесно танцует.

Как только она встала, Макс осторожно ее обнял. Мягко взял за правую руку, обхватил талию. Прикосновение к теплой коже неожиданно удивило. Он уже видел этот глубокий вырез на вечернем платье, однако при всей своей опытности в деле обнимания дам не предполагал почему-то, что в танце ладонь его дотронется до обнаженного тела. Хотя он быстро скрыл замешательство под непроницаемым профессиональным бесстрашием, его кратчайшую заминку партнерша заметила – или ему показалось. Верным признаком этого был взгляд, направленный, пусть и на мгновение, прямо ему в глаза, а потом вновь устремившийся в какие-то неведомые дали. Чуть изогнувшись вбок, Макс начал движение, подхваченное ею с удивительной естественностью, и они заскользили по площадке среди других пар. Раз и другой он коротко оглядел ее ожерелье.

– Не бойтесь покружиться? – шепнул он через минуту, зная, что следующие несколько аккордов позволят выполнить эту фигуру.

Секунды две она смотрела на него молча и потом ответила:

– Нет, конечно.

Он остановился, снял руку с ее талии, и дама, грациозностью движений как будто возмещающая неподвижность кавалера, два раза подряд сделала оборот вокруг своей оси – сначала в одну, а потом в другую сторону. Ладонь его вновь легла на плавный изгиб ее талии, и они продолжили танец с такой идеальной согласованностью всех движений, словно репетировали его раз шесть. На ее губах появилась улыбка, а Макс удовлетворенно кивнул. Другие танцоры посторонились, глядя на их пару с восхищением или завистью, и тогда она слегка сжала ему руку и шепнула предостерегающе:

– Не будем привлекать внимания.

Макс извинился, получив в ответ еще одну улыбку, означавшую, что извинение принято. Ему нравилось танцевать с этой женщиной. Она подходила ему по росту – приятно было ощущать под правой ладонью тонкую талию, а на левой – опирающиеся о нее пальцы партнерши и уверенную легкость и свободу, с какими его дама двигалась в такт музыке, ни на миг не теряя элегантно уверенности в себе. В ее манере держаться на площадке была, может быть,

даже доля вызова, без малейшей, впрочем, вульгарности, – это особенно почувствовалось в ту минуту, когда она с величайшим спокойствием и грацией совершила два оборота вокруг партнера. Взгляд ее по-прежнему почти все время был устремлен в какую-то даль, но это позволяло Макс рассматривать ее хорошо очерченное лицо, рисунок неярко подкрашенных губ, слегка напудренный нос, гладкий лоб, а под ним – ровные дуги выщипанных бровей и длинные ресницы. И пахло от нее приятно – какими-то нерезкими духами, которые Макс не мог опознать, потому что они смешивались с запахом ее кожи: может быть, «Агрèге»? Да, она, без сомнения, относилась к тем женщинам, каких называют «желанными». Он посмотрел на мужа – тот из-за столика наблюдал за ними, не выказывая особо пристального внимания, время от времени поднося к губам бокал с шампанским, – а потом снова перевел глаза на ожерелье своей дамы, в котором приглушенно, матово дробились электрические огни. Не меньше двухсот первоклассных жемчужин, прикинул Макс. В свои двадцать шесть, благодаря и собственному опыту, и кое-каким предосудительным знакомствам, он досконально разбирался в жемчуге – плоском, круглом, грушевидном или еще более причудливой формы – и знал, сколько он стоит в ювелирных лавках и на черном рынке. Ожерелье его дамы было из круглых жемчужин высочайшего качества – скорее всего, персидских или индийских. И цена им была не меньше пяти тысяч фунтов стерлингов, то есть больше полумиллиона франков. На эти деньги можно было провести несколько недель с птичкой самого высокого полета в самом фешенебельном отеле Парижа или Ривьеры. А если распорядиться более благоразумно – то прожить больше года, ни в чем себе особенно не отказывая и очень даже недурно.

– Вы прекрасно танцуете, сеньора, – повторил он.

Устремленный в пространство взгляд как бы нехотя обратился на него.

– И возраст не помеха? – спросила она.

Но это был не вопрос. Было ясно, что до ужина она наблюдала за ним и видела, как он танцует с бразильскими барышнями. При этих словах Макс должным образом возмутился:

– Возраст?! Побойтесь бога! Как вы можете говорить такое?!

Она с любопытством за ним наблюдала. Казалось, ее это почти забавляет.

– Как вас зовут?

– Макс.

– Ну же, Макс, отважьтесь. Сколько лет вы мне дали бы?

– Мне и в голову бы не пришло...

– Ну, пожалуйста.

Он ведь уже ответил, но если чего-нибудь и не хватало ему в общении с женщинами, то уж точно не самообладания. Лицо ее вдруг просияло широкой улыбкой (блеснули белые зубы), которую Макс изучал, казалось, с почти научной обстоятельностью.

– Пятнадцать?

Она расхохоталась – громко и живо. С детским чистосердечием. И ответила в том же духе, в каком шел весь разговор:

– Угадали! Как вам удалось?

– У меня это хорошо получается.

Гримаска, появившаяся на ее лице, была и лукавой, и одобрительной, а может быть, женщина просто показывала: она довольна, что разговор не сбивает кавалера с такта и не мешает вести ее по площадке меж других пар.

– Не только это, – произнесла она загадочно.

Отыскивая какой-нибудь добавочный, потаенный смысл в этих словах, Макс глядел ей в глаза, но те, лишившись всякого выражения, опять уставились в какую-то точку над его правым плечом. Болеро кончилось. Они разомкнули объятия, хоть и по-прежнему стояли напротив друг друга, покуда оркестр настраивал инструменты, готовясь к следующему номеру. Он

снова взглянул на великолепное кольцо. На миг ему показалось, будто женщина перехватила его взгляд.

– Довольно, – сказала она вдруг. – Благодарю вас.

Под куполом, расписанным облупившимися фресками, на верхнем этаже старого дома, куда ведет мраморная лестница, располагается зал периодики. Поскрипывая разошедшимся паркетом, Макс Коста с тремя подшивками журнала «Скаччо Матто»⁹ проходит через зал, усаживается там, где посветлее, – у окна, откуда виднеются полдюжина пальм и бело-серый фасад церкви Сан-Антонио. На столе, кроме переплетенных годовых комплектов, футляр с очками для чтения, блокнот, шариковая ручка, несколько газет, купленных в киоске на улице Майо.

Спустя полтора часа Макс откладывает ручку, снимает очки и, потеряв усталые глаза, смотрит на площадь, на удлинённые послеполуденным солнцем тени пальм. К этой минуте шофер доктора Хугентоблера знает едва ли не все, что написано о шахматисте Хорхе Келлере, который следующие четыре недели здесь, в Сорренто, будет играть с чемпионом мира Михаилом Соколовым. В журналах много фотографий Келлера: почти на всех он сидит перед доской; на иных он еще совсем юн, почти подросток, вступающий в единоборство с матерым противником. Последняя по времени фотография опубликована в сегодняшнем номере местной газеты: в холле отеля «Виттория» стоит Келлер с двумя женщинами – теми самыми, с которыми увидел его Макс на площади Тассо; да и пиджак на нем тот же, что и тогда.

Келлер, родившийся в 1938 году в Лондоне в семье чилийского дипломата, поразил шахматный мир своей победой над гроссмейстером Решевским (США), проводившим в Сантьяго сеанс одновременной игры. Ему было тогда только четырнадцать лет, а в следующее десятилетие он совершил ошеломительный взлет, превратившись в одного из самых феноменальных шахматистов всех времен...

Взлет взлетом, но Макса сейчас интересует не столько спортивная биография, сколько сведения о его семье. И вот он наконец находит их. И «Скаччо Матто», и остальные газеты, освещающие нынешний матч, единодушно сходятся в том, что после развода с мужем, чилийским дипломатом, огромный вклад в карьеру сына внесла его мать:

Супруги Келлер расстались, когда мальчику было семь лет. Мерседес Келлер, унаследовавшая от первого мужа, погибшего в гражданской войне в Испании, крупное состояние, сумела обеспечить сыну великолепные условия для подготовки. Когда обнаружилось, что мальчик исключительно одарен, она нашла ему лучших наставников, возила на разнообразные турниры в Чили и за ее пределами и сумела убедить гроссмейстера Эмиля Карапетяна, чилийца армянского происхождения, стать тренером сына. Юный Келлер не обманул возложенных на него ожиданий. Он легко побеждал сверстников и под руководством матери и маэстро Карапетяна, которые и по сей день сопровождают его, быстро добился впечатляющих успехов...

Выйдя из библиотеки, Макс садится в машину и едет к Марина-Гранде, где паркуется возле церкви. Затем направляется в трагторию Стефано, в этот час еще закрытую для посетителей. Он закатал рукава рубашки на два витка манжет, тужурку снял и перекинул через плечо и с удовольствием вдыхает солоноватую свежесть бриза. На террасе маленького ресторана официант расстилает скатерти, раскладывает приборы на четырех столиках почти у самой воды, рядом с вытасенными на берег рыбацкими лодками и громоздящимися тут же горами сетей с пробковыми поплавками и яркими флажками.

⁹ «Шах и мат» (ит.).

Хозяин, по имени Ламбертуччи, в ответ на его приветствие что-то бурчит, не отрываясь от шахматной доски. Макс здесь свой человек и потому бесцеремонно проходит к кассе за стойкой, бросает на нее тужурку, сам наливает себе вина и со стаканом в руке присаживается за стол, где владелец заведения всецело поглощен первой из двух ежедневных партий, которые на протяжении вот уже двадцати лет играет с капитаном Тедеско. Антонио Ламбертуччи лет пятьдесят: он тощий, нескладный, в несвежей футболке, открывающей армейскую татуировку – память о тех временах, когда он воевал в Абиссинии, после чего попал в лагерь военнопленных в Южной Африке, а по возвращении женился на дочери Стефано, хозяина трактории. Черная повязка на месте левого глаза, потерянного в бою под Бенгази, придает его противнику довольно зловещий вид. Обращение «капитан» не с ветру взято: Тедеско, уроженец Сорренто, как и Ламбертуччи, в самом деле воевал в этом звании, пока трехлетний плен в Дурбане, где у обоих не было никаких иных развлечений, кроме шахмат, не покончил с субординацией и, значит, с титулованием. В отличие от Макса, который знает лишь, как ходят фигуры, а в тонкостях игры разбирается слабо, хоть сегодня и пополнил свои представления на этот счет больше, чем за всю предшествующую жизнь, эти двое пользуются репутацией истинных знатоков. Они члены местного шахматного клуба и всегда в курсе дела насчет чемпионатов, турниров, гроссмейстеров и прочего.

– Что собой представляет Хорхе Келлер?

Ламбертуччи вместо ответа снова неразборчиво бурчит, раздумывая над ловушкой, которую, судя по всему, строит ему ход соперника. Но вот решается наконец и делает ход. Происходит быстрый обмен фигурами – и уста капитана роняют бесстрастное «шах». Спустя десять секунд Тедеско укладывает фигуры в коробку, а Ламбертуччи ковыряет в носу.

– Келлер? – говорит он. – У него большое будущее. Станет чемпионом мира, если сумеет, конечно, свалить русского... Блестящий шахматист, из молодых, да ранних, и не такой сумасброд, как этот... Фишер.

– А правда, что он начал чуть ли не в детстве?

– Говорят... Насколько я знаю, было четыре турнира, на которых раскрылся его феноменальный дар, а было ему тогда пятнадцать – восемнадцать лет. – Ламбертуччи глядит на капитана, как бы прося подтвердить, и принимается считать, загибая пальцы: – Международный в Порторосе... Мар-дель-Плата... международный чилийский... матч претендентов в Югославии...

– И не проиграл никому из грандов, – добавляет Тедеско.

– А это кто? – спрашивает Макс.

Капитан улыбается – мол, знаю, о чем говорю.

– Это Петросян, Таль, Соколов... Лучшие в мире шахматисты. Ну а его окончательное посвящение состоялось четыре года назад в Лозанне, где он победил Таля и Фишера на турнире из двадцати партий.

– Наголову разбил, как говорится, – подчеркивает Ламбертуччи, который уже сходил за бутылкой и сейчас вновь наполняет стакан Макса.

– Да, там были самые первачи, – подводит итог Тедеско, округляя единственный глаз. – А Келлер разделал их, что называется, под орех: двенадцать партий выиграл, семь свел к ничьей.

– И чем же он берет?

Ламбертуччи с любопытством оглядывает Макса:

– У тебя что, выходной сегодня?

– Выдалось несколько свободных дней. Хозяин в отъезде.

– Тогда оставайся ужинать. Есть пармезан с баклажанами и заслуживающая внимания бутылочка «Таураси».

– Спасибо, не могу. Надо кое-какими делами заняться на вилле.

– Раньше тебя вроде не интересовали шахматы.

– Ну... Сам понимаешь... – Макс с меланхолической улыбкой подносит к губам стакан. – Кампанелла и все такое прочее. Пятьдесят тысяч долларов – деньги немалые.

Тедеско с мечтательным видом снова вращает глазом:

– Еще бы. Любопытно, кому они достанутся.

– Так все же в чем его сила? – допытывается Макс.

– Ну-у, условия у него для подготовки замечательные... хорошо натренирован... – отвечает Ламбертуччи и, пожав плечами, оборачивается на капитана: добавь, мол, подробностей, если есть.

– Мальчик очень упорный, – говорит тот после краткого раздумья. – Когда начинал, многие гранды придерживались тактики осторожной, оборонительной... Келлер все это поменял. Тяготел в ту пору к неистовым, ярким атакам, неожиданным жертвам фигур, опасным комбинациям...

– А сейчас?

– Он верен своему стилю – рискованному, блестящему, с бурным эндшпилем... Играет совершенно бесстрашно, с пугающим безразличием к потерям... Иногда кажется, что он допустил промах или оплошность, зазевался или зарвался, но его противники теряют голову от того, какие сложные комбинации он строит на доске. Он, конечно, рвется к чемпионской короне, а матч в Сорренто – это как бы пролог к поединку, который начнется через пять месяцев в Дублине. Ставки высоки, как видишь.

– Ты будешь сидеть в зале?

– Это несусветно дорого. Зал в «Виттории» предназначен для людей с большими деньгами и для журналистов... Удовольствуемся тем, что нам расскажут по радио и по телевизору... разыграем на собственной доске.

– Это вправду такой важный матч?

– Ни один другой так не ждали с шестьдесят первого года, когда Решевский играл с Фишером, – объясняет Тедеско. – Соколов – игрок жесткий, цепкий, бесстрастный, упорный, чтобы не сказать вязкий. Лучшие свои партии он неизменно сводит к ничьим. Берет противника измором. Недаром у него прозвище Советский Утес... Но дело в том, что больно уж многое стоит на кону... Деньги, само собой. Но и политики хватает.

Ламбертуччи мрачно смеется:

– Говорят, будто Соколов снял недалеко от «Виттории» целый дом – для себя, своих тренеров, секундантов и агентов КГБ, которые его охраняют.

– А известно что-нибудь о его матери?

– Чьей?

– Келлера! В прессе про нее много пишут.

Капитан задумывается ненадолго.

– Да как тебе сказать... Не знаю... Говорят, будто она ведет все его дела. И кажется, это именно она открыла в нем талант и нашла лучших учителей. Шахматы поначалу, когда ты еще ничего собой не представляешь, – дорогое удовольствие. Поездки, отели и прочее... Для этого надо либо иметь деньги, либо уметь их доставать. Судя по всему, это у нее получилось. Да, она занимается всем, руководит всей командой своего Хорхе и следит за его здоровьем. Еще говорят, хоть, наверно, это преувеличение, что она создала его. Не думаю: кто бы и как бы ни помогал, гениальные игроки вроде Келлера создают себя сами.

Следующая встреча произошла на шестой день плавания перед ужином. Макс Коста уже полчасика танцевал с разными дамами, в том числе с американкой, сунувшей ему пять долларов, и с голубоглазой мисс Ханиби, когда Шмюкер торжественно проводил супругу Армандо де Трозье на ее обычное место. Как и в первый вечер, она пришла одна. Макс, оказавшись возле ее столика – он в эту минуту танцевал с одной из бразильянок, – заметил, что лакей подает ей

коктейль с шампанским, а она, вправив сигарету в короткий мраморный мундштук, закури-вает. Сегодня вместо жемчужного ожерелья на ней было янтарное. А надела она черное атласное платье с голой спиной, волосы зачесала назад, по-мужски, пригладила бриллиантином и сильнее, чем обычно, черным подвела глаза, придав им легкую раскосость. Макс несколько раз безуспешно пытался перехватить ее взгляд. Наконец он коротко переговорил с музыкантами, и когда те, покладисто кивнув, начали модное в этом сезоне танго «Адъос, мучачос», а пары потянулись на площадку, поблагодарил бразильянку, подошел к столику, коротко поклонился и застыл в ожидании, достав из арсенала своих улыбок самую любезную. Меча Инсунса де Трозье подняла на него глаза, и на миг он решил, что последует отказ. Но вот этот миг истек, и Макс увидел, что она кладет дымящуюся сигарету в пепельницу и поднимается. Ему показалось, что она делает это нестерпимо долго, а движение, которым она опустила левую руку на его правое плечо, – обескураживающе вялым. Но мелодия, дошедшая до самых своих ударных мест, захватила и увлекла обоих, и Макс тотчас понял, что музыка выступает сегодня на его стороне.

И в очередной раз убедился, что танцует она удивительно. Танго требует не стихийности, но четкого замысла, который внушается партнеру и осуществляется мгновенно в мрачном, почти злобном безмолвии. Так и танцевали эти двое, то приникая друг к другу, то отшатываясь, безошибочно угадывая, что сделает партнер в следующий миг, и с такой естественностью двигаясь по площадке в окружении других пар, что те рядом с ними представляли беспомощными дилетантами. Макс, как профессионал, отлично знал, что правильное танго невозможно без умелой, вышколенной партнерши, способной приноровиться к этому танцу, где ровный ход перебивается внезапными остановками и кавалер ломает ритм, имитируя – или даже пародируя – схватку, в которой дама, сплетясь с ним в объятии, постоянно пытается убежать – и каждый раз замирает, с горделивым вызовом принимая свое поражение.

Протанцевав два танго подряд – второе называлось «Шампань танго», – они не обменялись ни единым словом: так полно захватили их музыка и удовольствие от движения. Когда атлас случайно соприкасался с фракным сукном, Макс не столько ощущал, сколько угадывал близкое тепло, которым веяло от юного разгоряченного тела партнерши, от ее лица и зачесанных вверх волос, от шеи и обнаженной спины. В одной из пауз между танцами они замерли напротив друг друга, слегка задыхаясь от быстрых движений и ожидая, когда вновь заиграет музыка: Меча не выказывала намерения вернуться за стол, а Макс, заметив бисер испарины над ее верхней губой, вытащил один из двух своих платков – не тот, который выглядывал из нагрудного кармана фрака, а другой – безукоризненно отглаженный и сложенный, лежавший в кармане внутреннем, – и с полнейшей естественностью протянул ей. Она приняла квадратик белого батиста, чуть прикоснулась им ко рту и отдала обратно – едва уловимо повлажневший и с легким красным пятнышком посередине. И опять же, вопреки ожиданиям Макса, не пошла к своему столу, чтобы достать из сумки пудреницу. Макс тоже вытер пот с верхней губы и со лба – от взгляда женщины не ускользнуло, что именно в таком порядке, – спрятал платок, и, когда зазвучало второе танго, они начали танцевать так же слаженно, как раньше. Но теперь ее взгляд не блуждал неведомо где; наоборот, останавливаясь после сложного па, получившегося особенно отчетливо и чисто, или перед тем, как выйти из неподвижности и вновь начать движение по площадке, они пристально глядели друг на друга. Был один миг, когда, не доведя до конца движение, Макс замер, застыл сосредоточенно и бесстрастно, и ее тело во всем своем зрелом изяществе неожиданно прильнуло к нему, гибко колеблясь из стороны в сторону и как бы порываясь высвободиться из мужских объятий, а на самом деле не желая этого. Впервые за все то время, что Макс профессионально занимался танцами, он почувствовал искушение вытянуть губы и проскользнуть ими вдоль этой шеи – девически гладкой, стройной, длинной и благодаря открытому затылку кажущейся еще длиннее. Именно в эту минуту он случайно заметил, что Армандо де Трозье сидит за столиком – сигарета меж пальцев, нога на ногу – и,

внешне безразличный ко всему, очень внимательно наблюдает за ними. А когда перевел взгляд на свою даму, увидел золотистые отблески, которые, казалось, множились, покуда она хранила безмолвие Женщины вечной, не имеющей возраста. Владеющей ключами от всех тайн, непостижимых для мужчины.

Расположенный на корме *fumoir-café*¹⁰ соединял прогулочные палубы правого и левого бортов. Когда пассажиры ушли ужинать, Макс Коста направился туда, зная, что в этот час там наверняка почти никого нет. Дежурный официант поставил перед ним украшенную логотипом пароходной компании чашку двойного черного кофе без сахара. Немного ослабив белый галстук и расстегнув тугий крахмальный воротничок, Макс выкурил сигарету у иллюминатора, где за стеклом среди отражений ярких огней, горевших внутри, плавала в ночной черноте луна, заливая светом кормовую надстройку лайнера. По мере того как выходили из ресторана пассажиры, курительный салон постепенно заполнялся, так что Макс вскоре встал и пошел к выходу. В дверях посторонился, пропуская нескольких мужчин с сигарами; среди вошедших был и Армандо де Троэйе – один, без жены. Ее он вскоре увидел на прогулочной палубе левого борта рядом с другими пассажирами первого класса, которые, завернувшись в пледы или надев плащи, принимали воздушные ванны или любовались ночным морем. Было довольно тепло, но океан – впервые с того дня, как вышли из Лиссабона, – погнал белые барашки, и хотя «Кап Полоний» был оснащен новейшими системами курсовой устойчивости, качка стала чувствоваться ощутимо и, судя по возгласам, беспокоить пассажиров. В танцевальном салоне народу собралось гораздо меньше, чем обычно, многие столики пустовали, в том числе и зарезервированный за супругами Троэйе. Кое-кто из пассажиров уже страдал от морской болезни, и потому танцевальный вечер вышел коротким. У Макса было мало работы сегодня, и после всего лишь двух туров вальса он уже освободился.

Отразившись в огромных зеркалах главной лестницы, они встретились у лифта: Макс собирался спуститься в свою каюту во втором классе. Мерседес – в палантине из чернобурки, с парчовой сумочкой в руках – в одиночестве направлялась на прогулочную палубу, и Макса удивило, как уверенно идет она на высоких каблуках по зыбкому настилу: волнение усиливалось, и палубы даже такого огромного корабля, как этот, обрели неприятные свойства замкнутого трехмерного пространства. Оглянувшись, он открыл дверь и держал ее до тех пор, пока женщина не шагнула через порог наружу. Она отозвалась скупым «спасибо», Макс поклонился, закрыл дверь и продолжил путь, успев сделать шагов восемь или десять. И в задумчивости шел все медленнее, а потом и вовсе остановился. Да что за черт, сказал он себе. Попытка не пытка. Отчего бы не попробовать – с должной осторожностью, разумеется.

Он вскоре заметил ее в слабом свете ламп, покрытых густым налетом соли, – она прогуливалась вдоль борта – и остановился перед ней с самым непринужденным видом. Без сомнения, она искала спасения от морской болезни на свежем воздухе. Пассажиры в большинстве своем, напротив, сутками напролет в лежку лежали в каютах, пав жертвами собственных взбунтовавшихся желудков. На миг Макс испугался, что она пройдет мимо, сделав вид, что не заметила его. Опасения его оказались напрасны. Некоторое время она глядела на него, стоя молча и неподвижно. Потом неожиданно произнесла:

– Это было приятно.

С собственным замешательством ему удалось справиться не сразу.

– И мне тоже, – выговорил он наконец.

Женщина продолжала смотреть на него. И то, как она смотрела, вернее всего было бы определить как «с любопытством».

– Вы давно занимаетесь этим профессионально?

– Пять лет. Но с перерывами. Эта работа...

¹⁰ Курительный салон (*фр.*).

– Доставляет удовольствие? – перебила она.

Теперь, стараясь попадать в такт, они снова шли по медленно раскачивающейся палубе. Порою натыкались на темные бесформенные силуэты или даже могли различить лица редких пассажиров. Когда Макс оказывался на неосвещенных участках, становились видны лишь белые пятна пластрона, фрачного жилета и галстука, накрахмаленных манжет, выглядывавших из рукавов ровно на полтора дюйма, да платочек в верхнем кармане.

– Я не это хотел сказать, – мягко улыбнулся он. – Совсем не это. Это работа временная, скорее даже случайная. Помогает кое в чем.

– В чем же, например?

– Ну... Как видите, дает возможность путешествовать.

Оказавшись в эту минуту под фонарем, он убедился, что теперь улыбается она, причем одобрительно.

– Больно уж хорошо вы справляетесь с этой случайной работой.

Макс пожал плечами:

– В первые годы я работал более или менее постоянно.

– Где же?

Макс решил не раскрывать весь свой послужной список. Кое-какие пункты огласке не предавать, а приберечь исключительно для себя. Китайский квартал в Барселоне или, например, старый марсельский порт. Или имя той венгерской танцовщицы, что брила себе ноги, распевая «La Petite Tonquinoise»¹¹, и питала пристрастие к юнцам, порой просыпавшимся посреди ночи в холодном поту: в кошмарных снах им виделось, что они по-прежнему в Марокко.

– Зимой – в хороших парижских отелях, – сказал он вслух. – В пик сезона – Биарриц и Лазурный Берег... Одно время работал в кабаре на Монмартре.

– Да? – переспросила она не без интереса. – Мы не могли с вами где-то пересечься?

– Нет, – улыбнулся он уверенно. – Не могли. Я бы запомнил.

– Так что вы хотели мне сказать? – спросила она.

Он не сразу понял, что она имеет в виду. Но потом сообразил: после того как они встретились внутри, он вышел следом за ней на прогулочную палубу и молча, без объяснений заступил дорогу.

– Что никогда и ни с кем у меня не бывало такого идеального танго.

Ее молчание длилось секунды три-четыре. Можно было понять его так, что она польщена. Потом остановилась под укрепленным на переборке фонарем и в его помутнелом от соли свете взглянула на Макса:

– В самом деле? Вот ведь... Что ж, спасибо, вы очень любезны, сеньор... Макс, кажется?

– Да.

– Спасибо, сеньор Макс, за комплимент.

– Это не комплимент. И вы сами это знаете.

Она рассмеялась – открыто и чистосердечно. Как накануне вечером, когда он в шутку предположил, что ей пятнадцать лет.

– Мой муж – композитор. Так что в музыке и танце я разбираюсь. Но вы, должна признать, исключительный партнер. Вам так легко повиноваться.

– Но ведь вы не повинуетесь. Вы танцуете сами. Поверьте моему опыту.

Она задумчиво кивнула:

– Да. Опыт у вас есть, судя по всему.

Макс оперся о влажный планшир. Подошвами он ощущал, как качающейся палубе передаются содрогания машины во чреве корабля.

¹¹ «Малютка из Тонкина» (*фр.*) – популярная французская песенка, написанная «на пересечении польки, танго и военного марша». На протяжении многих лет пользовалась необыкновенным успехом.

- Не угодно ли сигарету?
- Нет, спасибо, сейчас не хочу.
- А вы не будете возражать, если я закурю?
- Пожалуйста.

Из внутреннего кармана он извлек портсигар, достал сигарету, зажал ее в зубах. Женщина следила за его движениями.

- Египетские? – спросила она.
- Нет, турецкие. «Абдул-паша». С медом и опиумом.
- Тогда угостите.

С коробком спичек в руке он наклонился к ней и, держа меж ладоней, поднес огонек к кончику ее сигареты, уже вправленной в мраморный мундштучок. Потом прикурил сам. Ветер тотчас развеял дым, не дав прочувствовать его запах и вкус. Макс показалось, что женщина зябко вздрогнула под своим палантином. Он показал на дверь находившегося рядом «пальмового салона», как называлось на лайнере нечто вроде зимнего сада – просторного, двусветного, обставленного плетеными креслами, низкими столиками и кадками с цветами.

– Профессионально заниматься танцами... – сказала она, когда они вошли туда. – Забавно... для мужчины.

– Я не вижу особой разницы, мужчина этим занимается или женщина. И мы, как видите, делаем это для заработка. Танцы вовсе не всегда увлечение или развлечение.

– А правду ли говорят, что характер женщины проявляется в том, как она танцует? И тут уж не притворишься?

- Да, бывает... Но впрочем, так же, как и мужчины.

Салон был пуст. Мерседес села, небрежно сбросив с плеч палантин и глядясь в золотую, отполированную крышечку vanity-box¹², которую достала из сумки, провела по губам бледно-красной «Тэнджи». Припомаженные, поднятые кверху волосы придавали чертам лица какую-то юношескую резкость, а с нею – и порочную прелесть двуполого существа, но черный атлас платья выгодно, как отметил Макс, обрисовывал женственные очертания фигуры. Перехватив его взгляд, она закинула ногу на ногу и стала слегка покачивать ею. Правый локоть уперла в поручень кресла, а в левой руке между указательным и безымянным пальцами с длинными выхоленными ногтями, покрытыми лаком точно того же оттенка, что и губная помада, держала сигарету. И время от времени роняла с нее пепел на пол так, словно пепельниц, подумал Макс, в природе не существовало.

– Я хотела сказать – забавно наблюдать вблизи и своими глазами человека вашего ремесла. Вы первый из ваших коллег, кому я сказала что-нибудь, кроме «спасибо» и «до свиданья».

Макс принес ей пепельницу и остался на ногах, сунув правую руку в карман. Он тоже курил.

- Мне бы хотелось потанцевать с вами.
- И мне. Я бы охотно сделала это, если бы оркестр еще играл и в салоне были люди.
- Ничто не мешает нам потанцевать прямо сейчас.
- Простите?

Она смотрела в его улыбающееся лицо так, словно услышала нечто крайне неуместное. Но Макс продолжал безмятежно улыбаться. «Ты славный парень, – говорили ему венгерка и Борис Долгорукий – говорили не сговариваясь, потому что не подозревали о существовании друг друга. – Когда ты так улыбаешься, Макс, никто не усомнится, что ты очень славный парень. Постарайся извлечь из этого пользу для себя».

- Уверен, что вы сможете вообразить себе музыку.

¹² Косметичка (англ.).

Она в очередной раз стряхнула пепел на пол.

– Отважный вы человек.

– Сможете?

Теперь черед улыбнуться – и с оттенком вызова – пришел женщине.

– Ну конечно смогу. – Она выпустила дым. – Я замужем за композитором, не забывайте.

И музыка у меня в голове.

– Как насчет «Дурной компании»? Знаете ее?

– Прекрасно.

Макс потушил сигарету и одернул смокинг. Она мгновение сидела неподвижно: улыбка ее исчезла; еще какое-то время смотрела на него задумчиво снизу вверх, словно желая убедиться, что он не шутит. Потом положила в пепельницу свой мундштук с ободком губной помады на конце, медленно поднялась и, глядя Максу прямо в глаза, опустила левую руку ему на плечо, пальцы правой вложила в его выжидающе протянутую ладонь. Постояла так, выпрямившись, очень спокойная и серьезная, пока Макс, дважды слегка сжав ее пальцы, чтобы обозначить первый такт, не отклонил корпус чуть вбок и не выставил вперед правую ногу, – и они, обнявшись и не сводя друг с друга глаз, пошли в танце между плетеными креслами и цветочными горшками «пальмового салона».

Из транзисторного «Маркони» в белом пластиковом корпусе несетя твист в исполнении Риты Павоне. В открытое окно своей комнаты на вилле «Ориана» Макс видит меж садовых пальм и пиний с широкими кронами панораму Неаполитанского залива: на кобальтово-синем фоне темнеет вдалеке конус Везувия; линия побережья тянется вправо до самого Скутоло; Сорренто примостился на краю крутого скалистого откоса; два причала – каменные волнорезы, лодки, вытасенные на берег или покачивающиеся на якорях невдалеке. Шофер доктора Хугентоблера довольно долго стоит в задумчивости, не сводя глаз с этого пейзажа. После завтрака на тихой кухне он надолго застывает у окна, прикидывая, насколько возможен и вероятен замысел, который всю ночь не давал ему спать, заставляя ворочаться с боку на бок, и, вопреки ожиданиям, не оставил в покое даже при свете дня.

Но вот наконец Макс приходит в себя и делает несколько шагов по своей скромной комнате – угловой, на первом этаже виллы. Потом, бросив прощальный взгляд на Сорренто, идет в ванную, холодной водой освежает лицо. Вытираясь, разглядывает себя в зеркале – разглядывает долго, дотошно и придирчиво, будто желая проверить, далеко ли продвинулась старость с прошлого раза. Будто ища черты ушедшего давно и далеко. Невесело созерцает серебристую, уже чуть поредевшую шевелюру, кожу, протравленную временем и жизнью, морщины на лбу и в углах рта, пробившиеся за ночь на подбородке седые щетинки, набрякшие веки, гасящие живость взгляда. Потом ощупывает поясницу – все больше дырочек на ремне, все дальше они от пряжки – и недовольно качает головой. Лишних килограммов могло бы быть поменьше. Как и лет за плечами.

Он выходит в коридор и, минуя двери, ведущие в подземный гараж, направляется прямо в гостиную. Там все прибрано и вычищено, мебель упрятана в белые холщовые чехлы. Супруги Ланца проводят отпуск в своем Салерно. И это означает полнейшие покой и праздность: всех обязанностей у него – сторожить виллу, пересылать срочную корреспонденцию, содержать в исправности и готовности хозяйские «ягуар», «роллс-ройс» и три антикварных автомобиля.

Медленно и все еще задумчиво Макс подходит к встроенному бару, открывает дверцу и на палец наполняет резной хрустальный стакан «Реми Мартен». Морща лоб, пьет маленькими глотками. Обычно он крайне воздержан. И почти всю жизнь, включая даже самые суровые и трудные годы, был умерен в питье – лучше даже сказать, «благоразумен» или «осторожен» – и умел превратить спиртное, выпитое им самим или другими, не в непредсказуемого врага, но в полезного союзника, в профессиональный инструмент, совершенно необходимый при его

сомнительном занятии – вернее, при всем многообразии его сомнительных занятий – и столь же действенный, как улыбка, удар или поцелуй. Однако в последнее время, когда впереди все отчетливой вырисовывается конец пути, стал ценить небольшие дозы алкоголя – стакан вина, рюмку вермута, порцию хорошо сбитого негрони, – способного подхлестнуть сердце и мысли.

Допив коньяк, Макс бесцельно бродит по пустому дому. И по-прежнему прокручивает в голове то, что всю ночь не давало ему уснуть. По радио – он так и не выключил его и оставил в глубине коридора – женщина просит: «*Resta cu mème*»¹³ – так, словно и впрямь страдает в разлуке. Макс на минуту заслушивается песней. Потом возвращается к себе, выдвигает ящик, где хранится его чековая книжка, проверяет состояние счета. Свои весьма ограниченные средства. Хватит в обрез, чтобы осуществить задуманное, прикидывает он. Взбодрившись, открывает шкаф и производит смотр гардероба, воображая вполне предсказуемые ситуации, а потом отправляется в главную на этой вилле спальню. Он и сам не замечает, что движется легко и свободно и шаг его так же упруг и уверен, как много лет назад, когда мир был всего лишь опасным, завораживающим приключением, нескончаемой чередой испытаний для его выдержки, ума, ловкости. Но вот решение принято, и стало легче: прошлое сплетается с настоящим в удивительную арабеску и все предстает в обманчивой простоте. В спальне доктора Хугентоблера мебель и кровать – в чехлах, сквозь задернутые шторы просачивается золотистое сияние. Когда Макс раздвигает их, поток света заливает комнату, а за окном открывается залив, деревья, соседние виллы, лепящиеся по склонам. Он подходит к шкафу, снимает с верхней полки чемодан от Гуччи, кладет его на кровать, а потом, повернувшись и подбоченясь, оглядывает богатый выбор, предоставляемый хозяйским гардеробом. У доктора Хугентоблера примерно тот же размер воротника и объем груди, так что Макс набирает полдюжины шелковых сорочек и два пиджака. Размеры обуви и брюк не совпадают – он выше ростом, – и потому, делать нечего, придется зайти в дорогие магазины на Корсо Италия, а вот новый ремень хорошей кожи и пар шесть трусов неброских тонов летят в чемодан. Окинув шкаф прощальным взглядом, добавляет два шелковых шейных платка, три красивых галстука, золотые запонки, зажигалку «Дюпон» – хоть давно уже бросил курить – и часы «Омега Симастер Девиль», тоже золотые. С чемоданом в руке возвращается к себе в комнату. Теперь по радио Доменико Модуньо поет «*Vecchio frac*». Старый фрак. Забавное совпадение, думает Макс, улыбаясь. Это можно счесть добрым предзнаменованием.

¹³ Останься со мной (*ит.*).

2. Танго страдательные и танго убийственные

– Ты что, рехнулся?

Тициано Спадаро, портье отеля «Виттория», перегибается через стойку, чтобы взглянуть на чемодан, который Макс опустил на пол. Потом оглядывает визитера с ног до головы: коричневые сафьяновые туфли, серые фланелевые брюки, голубая шелковая сорочка, шейный платок, темно-синий блейзер.

– Даже и не думал, – отвечает новоприбывший с полнейшим хладнокровием. – Мне всего лишь хочется на несколько дней сменить обстановку.

Спадаро в задумчивости проводит рукой по лысине. Подозрительно вглядывается в Макса, ища подвох или потаенные намерения. Опасные вторые смыслы.

– А ты помнишь, сколько стоит у нас номер?

– Помню, конечно. Двести тысяч лир в неделю. И что с того?

– Мест нет. Наплыв, я же тебе говорил.

Улыбка, которой одаривает его Макс, исполнена дружелюбия и уверенности. В ней – внятный отзвук былой верности и высшей доверительности.

– Тициано... Я сорок лет живу в отелях. Не может быть, чтобы не нашлось чего-нибудь подходящего.

Спадаро вновь опускает взгляд к стойке лакированного красного дерева, на которую опирается обеими руками. К тому месту, что оказалось между его ладонями и куда Макс только что положил десять десятитысячных купюр в конверте. Портье отеля «Виттория» глядит на него пытливо, как игрок в баккара – на сданные ему карты, которые не решается открыть. Наконец одна рука, левая, медленно сдвигается, и указательный палец дотрагивается до конверта.

– Позвони мне попозже. Посмотрим, что можно будет сделать.

Максу нравится это движение – конверт потрогали, но не открыли. Старый шифр.

– Нет, – отвечает он мягко. – Сейчас надо решить.

Мимо проходит несколько постояльцев, и оба замолкают. Портье оглядывает вестибюль: ни на лестнице, ведущей в номера, ни у стеклянной двери в зимний сад, откуда доносится рокот голосов, никого нет, а помощник занят своим делом – раскладывает ключи по ячейкам.

– Я думал, ты завязал, – говорит Тициано вполголоса.

– Так и есть. Я ведь так тебе и сказал в прошлый раз. Просто желаю провести отпуск, как в прежние времена. Чтобы ледяное шампанское и приятный вид из окна.

Спадаро снова обводит испытующим взглядом сперва чемодан, а потом элегантный наряд собеседника. Через окно он видит и «роллс-ройс», припаркованный у лестницы, спускающейся ко входу в отель.

– Хорошо, наверно, идут у тебя дела в Сорренто...

– Замечательно идут, как видишь.

– Вот так вдруг взяли и пошли?

– Именно. Так вот вдруг.

– А твой патрон с виллы «Ориана»?

– О нем как-нибудь в другой раз.

Спадаро снова потирает ладонью лысину – прикидывает и оценивает. За долгую службу чутье у него развилось, как у легавой, тем более что конверт на стойку перед ним Макс кладет не впервые. В последний раз это было десять лет назад, когда портье еще работал в неаполитанском отеле «Везувий». Из номера немолодой киноактрисы Сильвии Массари – смежного с тем, куда стараниями Спадаро вселился Макс, – пропало дорогое кольцо. Это прискорбное происшествие случилось, когда он завтракал на террасе с актрисой, всю ночь и целое утро предававшейся с ним осенней, но все еще бурной страсти и на несколько минут, ненадолго

лишив себя прекрасного вида на залив и нежного взгляда спутницы, отлучился из-за стола – вымыть, как он сказал, руки. Ей, разумеется, и в голову не пришло его заподозрить: слишком уж ласково он на нее смотрел, слишком пленительно улыбался и так искренне проявлял свою нежность. Кончилось тем, что в краже обвинили горничную: ее допросили, доказать ничего не смогли, но уволили. Уверенность актрисы в том, что Макс непричастен, решила дело, а когда он расплатился по счету и покинул отель, с повадкой истинного джентльмена раздав чаевые, Тициано Спадаро получил примерно такой же конверт, как тот, что сейчас лежит перед ним, – ну, может быть, чуть более объемистый.

– Вот не знал, что ты любитель шахмат.

– Не знал? – Из старого репертуара улыбок извлекается одна из самых отборных – широкая и белозубая. – Ну-у... Меня всегда интересовала эта игра. Опять же, общество собирается любопытное. И единственная возможность посмотреть на гроссмейстеров. Все лучше, чем футбол.

– Что ты затеваешь, Макс?

Тот невозмутимо выдерживает испытующий взгляд.

– Ничего такого, что грозило бы твоей скорой пенсии. Даю тебе слово. А ты знаешь – слово свое я держу.

Следует долгая, задумчивая пауза. Меж бровей у Спадаро появляется глубокая вертикальная складка.

– Это правда, – соглашается он наконец.

– Отрадно, что помнишь.

Портье рассматривает пуговицы своей тужурки и задумчиво стряхивает с них воображаемые пылинки.

– Полиция увидит твой формуляр...

– Ну и что с того? В Италии за мной ничего нет. И потом, к полиции это не будет иметь никакого касательства.

– Послушай... Не поздно ли тебе снова браться за такие дела? Да и мне тоже. Вспомни, сколько тебе лет.

Макс с прежним бесстрашием смотрит на портье. А тот – на так и не вскрытый конверт, лежащий на лакированном дереве стойки.

– Сколько дней?

– Не знаю... – Макс беспечно пожимает плечами. – Недели хватит, я полагаю.

– Полагаешь?

– Хватит.

Спадаро прижимает конверт пальцем. Потом со вздохом медленно открывает регистрационную книгу.

– Пока могу оформить только на неделю. Дальше посмотрим.

– Идет.

Спадаро ладонью трижды хлопает по шпеньку гонга, зовя боя.

– Номер маленький, одиночный, вида никакого. Завтрак не включен.

Макс достает документы из кармана пиджака. Кладет их на стойку и видит, что конверт уже исчез.

Макс удивился, увидев Армандо де Троэйе в баре второго класса. Было позднее утро, и Макс сидел за аперитивом – стаканом абсента с водой и оливками – у широкого сплошного окна, выходившего на прогулочную палубу левого борта. Ему нравилось это место, потому что оттуда отлично просматривался весь салон – с плетеными креслами вместо удобных диванов красной кожи, как в первом классе, – и можно было любоваться морем. Погода по-прежнему стояла хорошая, солнце сияло целый день, а ночью небо было чистым. Двое суток изнуритель-

ной качки остались позади, и пассажиры могли передвигаться уверенней и глядеть друг на друга, а не зависеть от того, какое положение примет палуба. Так или иначе, Макс, пересекавший Атлантику в пятый раз, не помнил более спокойного и приятного плавания.

За соседними столами посетители – почти исключительно мужчины – играли в карты, в нарды или в шахматы. Макс, который сам играл лишь изредка и лишь наверняка – даже во время службы в Марокко он не пристрастился к азартным играм, – нравилось тем не менее наблюдать за профессионалами, в изобилии водившимися на трансатлантических рейсах. Уловки, хитрости, простодушие, те или иные реакции игроков, разные манеры поведения, столь наглядно и подробно показывающие всю многообразную сложность рода человеческого, – все это было превосходной школой для всякого, кто умел взглянуть на это под нужным углом, и Макс почерпнул у них множество полезных навыков и познаний. Как и на всех лайнерах, на «Кап Полонии» в первом, во втором и даже в третьем классе тоже работали шулера. Команда, разумеется, была в курсе дела: и судовой комиссар, и метрдотели, и распорядители знали их в лицо, исподволь следили за ними и подчеркивали их имена в списке пассажиров. Макс, еще служа на «Кап Арконе», познакомился с легендарным игроком по имени Бреретон, о котором рассказывали, что будто бы долгую партию в бридж, шедшую в курительном салоне первого класса на «Титанике», он не прерывал, пока не выиграл; и лишь когда пароход уже погружался в ледяные воды Северной Атлантики, бросился за борт, успев доплыть до последней спасательной шлюпки.

Когда в то утро в салон-бар второго класса вошел Армандо де Троэе, Макс удивился, потому что нарушать границы, установленные для каждой категории пассажиров, было не принято. Еще сильнее он удивился, когда знаменитый композитор – в норфолкском пиджаке¹⁴, в жилете, пересеченном часовой цепочкой, в брюках-гольф и дорожной кепке – остановился в дверях, оглядел помещение и, заметив Макса, прямо направился к нему с дружелюбной улыбкой и занял соседнее кресло.

– Что пьете? – спросил он, жестом подзывая лакея. – Абсент? Нет, для меня, пожалуй, чересчур крепко... Лучше вермута.

Когда лакей в красной курточке принес заказ, Армандо де Троэе прежде всего наговорил Макс, комплиментов по поводу его танцевального мастерства, а потом повел легкую светскую – сообразно обстоятельствам – беседу о лайнерах, музыке и профессиональных танцах. Композитор, сочинивший «Ноктюрны» – помимо прочих произведений, принесших ему славу, – «Скарамуша» или балета «Пасодобль для Дон Кихота», с огромным успехом поставленного Дягилевым, – был, как убедился Макс, человеком уверенным в себе, твердо знающим, кто он такой и что собой представляет. И хотя здесь, в баре второго класса, он не оставлял свою элегантную манеру легкого превосходства – маэстро, стоящий на вершине музыкального олимпа, снисходит до разговора с жалким поденщиком, пребывающим у самого ее подножья, – было видно, что он очень старается быть любезным. И все же, ясно обозначая дистанцию, держался совсем не так надменно и небрежно, как в предыдущие дни, когда Макс танцевал с его женой.

– Поверьте, я следил за вами очень внимательно. Превосходно двигаетесь.

– Спасибо, но вы, право, преувеличиваете, – учтиво полуулыбнулся в ответ Макс. – В нашем деле многое зависит от партнерши... Вот ваша супруга танцует в самом деле великолепно, что вы, разумеется, и сами знаете.

– Разумеется. Редкостная женщина, что говорить... Но все же инициатива – за вами. Вы пролагаете путь, вы ставите вехи. Такое экспромтом не сделаешь. – Поставленный лакеем на стол бокал Армандо де Троэе посмотрел на свет, словно сомневаясь, что во втором классе подадут что-нибудь пристойное. – Вы позволите задать вам профессиональный вопрос?

¹⁴ *Норфолкский пиджак* – длинный (до середины бедра) однобортный пиджак, со складками спереди и на спине, часто дополненный поясом или полупоясом.

– Прошу вас.

Осторожный глоток. Губы под тонкими усами удовлетворенно поджались.

– Где вы научились так танцевать танго?

– Я родился в Буэнос-Айресе.

– Да? Удивительно. – Армандо де Троэе сделал еще глоток. – Выговор не чувствуется.

– Я не очень долго прожил там. Отец мой, родом из Астурии, эмигрировал в девяностые... Не преуспел, вернулся в Испанию больным и вскоре умер. Но перед этим женился на итальянке, произвел на свет нескольких детей и вывез нас всех с собой.

Композитор подался вперед, опираясь о плетеные подлокотники:

– И сколько же вы там прожили?

– До четырнадцати лет.

– Это все объясняет... Потому у вас и получается настоящее танго. Чему вы улыбаетесь?

Макс пожал плечами и ответил чистосердечно:

– Потому что нет в них ничего настоящего. Истинное танго – это нечто совсем другое.

Непритворное удивление – или ему показалось? Может быть, это всего лишь привитое воспитанием внимание к собеседнику? Стакан остановился на полпути от стола ко рту.

– Вот как? И какое же оно?

– В исполнении народных музыкантов – стремительное. И если определить одним словом – скорее сладострастное, нежели элегантно. В нем больше лихости, удали... это танец проституток и воров.

Де Троэе рассмеялся:

– Кое-где у нас такое тоже бывает.

– Не вполне. Оригинальное танго сильно изменилось, особенно когда лет десять-пятнадцать назад вошло в моду в Париже после «балов апашей»... И стиль подонков общества подхватили порядочные люди. Потом танго, уже офранцузившись, вернулось в Аргентину, стало утонченным и почти респектабельным... – Макс снова пожал плечами, допил абсент и взглянул на композитора, дружески ему улыбавшегося. – Полагаю, объяснил?

– Конечно. Очень интересно. Признаюсь, сеньор Коста, вы для меня приятная неожиданность.

Макс не помнил, чтобы называл свою фамилию ему или его жене. Вероятно, Армандо де Троэе наткнулся на нее в списках персонала. Или искал и нашел. Он на миг задумался об этом, но погружаться в размышления не стал, а вновь принялся утолять любопытство собеседника. В подражание парижанам танго привилось и в высшем аргентинском обществе, прежде считавшем его аморальным и безнравственным. Танец перестал быть прерогативой сброда с окраин и переместился в бальные залы. Впрочем, и сегодня настоящее танго – то, которое танцуют в Буэнос-Айресе воры, бандиты и всякого рода темные личности, – существует как бы подпольно: барышни из хороших семей играют его тайком, по нотам, раздобытым для них братьями-шалопаями и женихами-полуночниками.

– Но вы-то ведь, – возразил Армандо де Троэе, – танцуете современное танго?

При слове «современное» Макс улыбнулся:

– Ну конечно. То, что востребовано. Впрочем, это то, что я умею. Старое танго, которое в ходу в Буэнос-Айресе, я выучить не успел – был еще слишком мал. Только видел несколько раз, как его исполняют. Забавно, что этому танго я научился в Париже.

– Как же вы там оказались?

– Это долгая история. Боюсь вас утомить.

Де Троэе подозвал официанта и, не обращая внимания на возражения Макса, заказал еще по порции. Было похоже, что он привык поступать так, ни с кем не советуясь. Он принадлежал или хотел показать, что принадлежит, к той категории людей, что ведут себя по-хозяйски даже за чужим столом.

– Утомить? Вот еще... Нисколько. Вы даже представить себе не можете, до чего мне интересно то, что вы рассказываете. Неужели до сих пор в Буэнос-Айресе танцуют старинное танго?.. Чистое, так сказать, танго?

Макс после секундного размышления с сомнением покачал головой:

– Нет. Чистого не найти нигде. Но кое-где танцуют нечто подобное... Не в модных салонах, разумеется.

Он взглянул на руки собеседника. Крепкие, широкие кисти. Ни малейшего изящества, казалось бы присущего рукам знаменитого музыканта. Коротко остриженные отполированные ногти. На безымянном пальце над обручальным кольцом – золотой перстень с синим камнем.

– У меня к вам просьба, сеньор Коста... Это очень важно для меня.

Подали абсент и вермут. Макс не прикоснулся к своему бокалу. Де Троэе улыбался дружелюбно и уверенно.

– Я хотел бы пригласить вас отобедать, – продолжал он, – с тем чтобы можно было обсудить все подробно.

Макс сумел скрыть удивление под извиняющейся улыбкой:

– Благодарю вас, но я не имею права появляться в ресторане первого класса. Персонал туда не допускают.

– Да, верно... – Композитор сморщил лоб, словно прикидывая, до какой степени позволительно ему нарушать нормы, установленные на борту лайнера. – Неприятное обстоятельство. Хотя мы могли бы устроиться во втором классе... А впрочем, есть идея получше. Мы с женой занимаем suite – там две соединенные между собой каюты, – и прекраснейшим образом можно накрыть стол на троих. Окажете нам честь?

Макс, все еще в растерянности, отвечал с запинкой:

– Вы очень любезны... Но я, право, не знаю, могу ли...

– Не беспокойтесь. Я сам переговорю с суперкарго и все улажу. – Композитор сделал последний глоток и твердо, с легким стуком, словно припечатав сказанное, поставил бокал на стол. – Итак, вы согласны?

Теперь Макса останавливала только простая осторожность. Ничего опасного это предложение в себе не заключало. А если все же заключало? Ему требовались время и толика новых сведений, чтобы взвесить все «за» и «против». Ведь Армандо де Троэе ввел в игру новый и совершенно неожиданный элемент.

– Но как отнесется к этому ваша супруга? – спросил Макс.

– Меча будет в восторге, – снова припечатал композитор, движением бровей потребовав у официанта счет. – Она уверяет, что танцора, равного вам, никогда еще не встречала. Так что вы и ей тоже доставите удовольствие.

Не взглянув на счет, он поставил на нем подпись и номер каюты, положил на поднос банкноту, чаевые и встал из-за стола. Повинуясь рефлексу учтивости, Макс тоже хотел подняться, но де Троэе, опустив ему руку на плечо, удержал. Рука оказалась крепче, чем можно было ожидать от музыканта.

– Я некоторым образом хотел посоветоваться с вами. – Тут он за цепочку вытянул из жилетного кармана золотые часы, небрежно скользнул по ним взглядом. – Итак, в полдень? Каюта три-а. Мы ждем вас.

С этими словами он вышел, не дожидаясь ответа и считая само собой разумеющимся, что приглашение принято. И после того как Армандо де Троэе покинул бар, Макс еще некоторое время смотрел ему вслед. И раздумывал о том, какой непредвиденный оборот приняли или могут принять события, развития которых он ожидал в ближайшие дни. И в конце концов пришел к выводу, что открываются перспективы новые, неожиданные и более обнадеживающие, нежели можно было предположить ранее. Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, он насыпал сахар горкой в ложечку, положенную на бокал с абсентом, и тоненькой струйкой

пустил сверху воду, глядя, как сахар исчезает в зеленой жидкости. И, поднося бокал к губам, улыбнулся самому себе. На этот раз жгучий и сладкий вкус не напомнил ему ни о капрале Борисе Долгоруком-Багратионе, ни о трущобах Марокко. Его мысли занимало жемчужное ожерелье, под огнями люстр сверкавшее и переливавшееся на груди Мечи Инсунсы де Троэйе. И линия ее обнаженной шеи, стройно вознесенной от плеч к затылку. Ему захотелось засвистать танго, и он почти уже сделал это, но вовремя вспомнил, где находится. Когда же поднялся из-за столика, вкус абсента во рту стал сладостен, как предощущение женщины и приключения.

Портье Спадаро слукавил: номер и вправду мал, из мебели только старинный зеркальный шкаф, бюро да узкая кровать; ванная и вовсе убогая. Слукавил насчет вида – в единственное окно, выходящее на запад, видны часть Сорренто над Марина-Гранде, густая зелень парка, виллы, стоящие на крутом гористом склоне мыса Капо. И когда Макс отворяет обе створки и, ослепленный светом, выглядывает наружу, то различает даже часть залива с расплывающимся вдалеке островом Искья.

После ванны, набросив на голое тело белый махровый халат с вышитым на груди логотипом отеля, шофер доктора Хугентоблера разглядывает себя в зеркало. Придирчивый взгляд, обостренный профессиональной привычкой изучать особей рода человеческого – от этого зависит успех или провал его начинаний, – медленно скользит по застывшему перед зеркалом старику, который всматривается в собственные мокрые седые волосы, морщины, усталые глаза. Все еще ничего себе, делает он вывод: если снисходительно отнестись к ущербу, который в таком возрасте обычно наносится внешности мужчины. Следы убытков, поражений, упадка. Невосполнимых потерь. В поисках утешения он ощупывает себя под халатом: несомненно, отяжелел и раздался в поясе, но талия все же сохраняет пристойный объем, фигура – былую стать, глаза – живой блеск, а осанка подтверждает, что упадок, годы неудач и безнадежности так и не смогли согнуть его. В доказательство Макс, как актер, отрабатывающий трудный кусок роли, несколько раз подряд улыбается в зеркало старого шкафа, и эти внезапно вспыхивающие улыбки, которые совсем не кажутся заготовленными заранее, освещают лицо: оно привлекательно, располагает к себе и, как золото – убедительным знаком высокой пробы, отмечено даром внушать доверие. Так он стоит неподвижно еще секунду, и улыбка очень медленно, будто сама собой, гаснет у него на губах. Потом берет гребешок с бюро и на свой прежний манер зачесывает волосы назад, прочерчивая слева и очень высоко безупречно ровный пробор. Критическим оком окинув результат, приходит к заключению, что все еще не утратил былую элегантность повадки. Или может не утратить, если постарается. Все еще сквозят и подразумеваются навыки хорошего воспитания, которые в былые годы нетрудно было выдать и за приметы хорошей породы: годами, привычкой, необходимостью и талантом навыки эти отшлифованы до такого блеска, что в нем давным-давно исчез даже малейший след первоначального обмана. Все еще угадываются следы прежней притягательной силы, позволявшей ему когда-то с дерзкой самоуверенностью промышлять в краях неведомых – если не враждебных. Пускать там корни и даже процветать. По крайней мере, до совсем еще недавних пор.

Макс сбрасывает халат и, насвистывая «Вернись в Сорренто», начинает одеваться с медлительной взыскательностью былых времен, когда сборы – рутинный ритуал выбора: как именно заломить шляпу, каким узлом завязать галстук, каким из пяти способов разместить белый платочек в верхнем кармане пиджака – заставляли его в хорошие минуты, когда верится в свои силы и в свою удачу, чувствовать себя воином, надевающим доспехи перед битвой. И это вот смутное дуновение былого, знакомый аромат ожидания и неизбежности схватки тешит его оживающую гордыню, меж тем как он натягивает хлопчатобумажные трусы, серые носки – это требует известных усилий и, чтобы не сгибаться, ему приходится сесть на кровать, – сорочку, ведущую происхождение от гардероба доктора Хугентоблера и потому чуть широко-

ватую в талии. В последние годы носят обтягивающие пиджаки, расклешенные брюки, приталенные блейзеры и рубашки, но Макс не в состоянии следовать моде, тем более что ему нравится классический покрой бледно-голубой «Sir Bonser» с воротником «баттон-даун», – и она, как и все прочее, сидит так, будто шита по мерке. Прежде чем застегнуться, Макс останавливает взгляд на звездчатом, диаметром около дюйма, шраме на левой стороне груди, чуть ниже ребер – это память о пуле, которая 2 ноября 1921 года в марокканском городке Тахуда задела легкое, уложила на койку в госпитале Мелильи и оборвала недолгую военную карьеру Макса Косты: за пять месяцев до этого под этим именем, навсегда сменившим прежнее – Максимо Ковас Лауро, – его зачислили в тринадцатую роту Первого батальона Иностранного легиона.

Танго, пояснил Макс, это слияние нескольких элементов: андалузского танца, хабанеры, милонги и безымянной пляски чернокожих рабов. Гаучо-креолы, со своими гитарами все ближе подступая к кабакам, тавернам и притонам на окраинах и в предместьях Буэнос-Айреса, освоили и милонгу-песню, а вслед за тем – и танго, начинавшееся как милонга-танец. Важный вклад внесли и негритянские музыка и пляски, потому что в ту эпоху пары танцевали не в обнимку, но лишь соприкасаясь друг с другом. Это позволяло выполнять фигуры, как бесхитростные, так и замысловатые, с большей свободой, чем теперь.

– Негритянское танго? – Армандо де Троэе, казалось, был по-настоящему удивлен. – Я не знал, что там были чернокожие.

– Были. Бывшие рабы, разумеется. К концу века очень многих скосила желтая лихорадка.

Все трое сидели за столом, накрытым в двойной каюте первого класса. Здесь пахло хорошей кожей чемоданов и саквояжей, одеколоном и скипидаром. В широком иллюминаторе виднелась тихая синева океана. Макс – в сером костюме, сорочке с мягким воротником и клетчатом шотландском галстуке – в две минуты первого постучал в дверь каюты, и несколько секунд ему казалось, что в ее обширном пространстве композитор находится один, да и за обедом – консоме со сладким перцем, лангуст под майонезом и сильно охлажденный рейнвейн – разговор вел он: рассказав несколько забавных случаев из своей жизни, принялся расспрашивать гостя о его детстве в Буэнос-Айресе, о возвращении в Европу, о карьере профессионального увеселителя, протекавшей в фешенебельных отелях, на курортах и на трансатлантических лайнерах. Макс, осмотрительный, как всегда, если дело касалось его биографии, ограничивался краткими репликами и хорошо продуманными туманностями. Под занавес, когда закурили за кофе с коньяком, он по просьбе де Троэе вновь заговорил о танго.

– Белые, – продолжал Макс, – которые поначалу только наблюдали за неграми, потом приспособили их танец под свои вкусы, замедлив темп там, где не способны были его выдерживать, и добавив еще фигуры вальса, хабанеры и мазурки... Следует учесть, что танго было тогда не просто музыкой, но еще и манерой танцевать. И прикасаться к партнеру.

Пока он говорил, деликатно опираясь о край стола одними запястьями в обрамлении белых манжет с серебряными запонками, глаза его несколько раз встретились с глазами Мечи Инсунсы. Жена композитора почти весь обед слушала молча, в разговор не вмешивалась и лишь изредка позволяла себе сделать беглое замечание или вскользь задать вопрос, с учтивым вниманием ожидая ответа.

– Танго, когда за него взялись итальянцы и другие выходцы из Европы, сделалось более медленным и упорядоченным, хотя шпана из предместий и с окраин усвоила манеру чернокожих, – продолжал Макс. – Когда его танцуют «верной дорогой», как принято выражаться там, где оно родилось, кавалер резко останавливается сам и останавливает свою даму, чтобы покрасоваться или зафиксировать позу. – Тут он взглянул на внимательно его слушающую Мечу. – Это знаменитое па называется «кебрада», и в благопристойной версии тех танго, что танцуют ныне, вы превосходно с ним справляетесь.

Меча Инсунса поблагодарила его улыбкой. Сегодня на ней было легкое платье из *charmeuse*¹⁵ цвета шампанского; в падавшем из иллюминатора свете золотились на затылке коротко остриженные волосы, открывавшие стройную шею, которую после безмолвного танго в зимнем саду Макс вспоминал теперь постоянно. Из драгоценностей на ней было только жемчужное ожерелье в два витка и обручальное кольцо.

– А что представляют собой компадритос? – спросила она.

– Представляли. Их уже нет.

– Нет?

– За последние десять-пятнадцать лет многое изменилось. В детстве моем компадритос называли молодых людей из низов общества, сыновей или внуков тех гаучо-скотоводов, которые постепенно заплоняли городские окраины и предместья.

– Звучит угрожающе, – заметил композитор.

Макс бесстрастно объяснил, что их-то как раз можно было не опасаться. Вот с компадре и компадронами дело обстояло иначе, это были люди пожестче: одни – настоящие бандиты, другие всячески старались им подражать. Политики охотно пользовались их услугами – на выборах, к примеру, и в тому подобных делах – или брали в телохранители. Впрочем, тех, настоящих, как правило, носивших испанские фамилии, вытеснили теперь подражавшие им дети эмигрантов – окраинный сброд, перенявший лишь манеры головорезов из предместий, пригородов, окраин, но не обладавший ни их отвагой, ни кодексом чести.

– А подлинное танго – это танец компадре и компадрито? – спросил Армандо де Троэйе.

– Так было раньше. Те первые танго были откровенно непристойны: пары прижимались друг к другу более чем вплотную, переплетали ноги, вращали бедрами, как это принято в негритянских плясках. Немудрено, если вспомнить, что их первыми партнершами были девицы из публичных домов.

Краем глаза Макс перехватил улыбку Мечи – одновременно пренебрежительную и заинтересованную. Ему и раньше приходилось видеть такие улыбки у дам одного с ней круга, когда речь заходила о чем-то подобном.

– Ну да, отсюда и пошла дурная слава... – сказала она.

– Разумеется, – ответил ей Макс и продолжал, из деликатности обращаясь к мужу: – Знаете ли вы, что одно из первых танго называлось «Дай марочку»?

– Марочку?

Жиголо, метнув на нее искоса еще один быстрый взгляд, замялся, подбирая подходящие слова.

– Ну, – вымолвил он наконец, – это билетик, который мадам... хозяйка заведения выдает девицам за каждого принятого клиента, а девицы вручают своим котам для отчета...

– Кому? – переспросила женщина.

– По-французски это *maquereau*, – пояснил ей муж. – Сутенер.

– Спасибо, дорогой, я прекрасно поняла.

И даже когда танго, ставшее популярным, начали танцевать на домашних праздниках и семейных вечерах, продолжал Макс, такие вот резкие остановки были запрещены как неприличные. В его детстве танго танцевали только на утренниках, устраиваемых испанскими или итальянскими землячествами, либо в борделях, либо на холостых квартирках молодых шалопаев со средствами. И сейчас, хоть танго триумфально пришло на сцены театров и в бальные залы, еще остаются под запретом определенные па – корте и кебрада. Ну, вульгарно выражаясь, нельзя просовывать ногу меж колен партнерши. Чтобы попасть в приличное общество, танго пришлось поступиться характером. Оно, как будто утомившись, сделалось менее стремитель-

¹⁵ Тонкий атлас (*фр.*).

ным и не таким сладострастным. И вот оно-то, укрощенное и одомашненное, попало в Париж и обрело славу.

– И превратилось в тот монотонный танец, который мы видим в салонах, или в ту пародию, которую демонстрирует на экране Валентино¹⁶.

Медовые глаза смотрели на него пристально. Зная это, стараясь избегать встречи с ними и сохранять, насколько это возможно, спокойствие, Макс вытащил портсигар и открыл его перед Мечей. Она взяла турецкую сигарету, муж последовал ее примеру и, дождавшись, когда она вправит свою в мраморный мундштучок, щелкнул золотой зажигалкой. Меча, чуть наклонившись вперед, поймала огонек, потом вскинула голову и снова взглянула на Макса сквозь первое облачко дыма, в потоке света из иллюминатора ставшего плотным и голубоватым.

– А в Буэнос-Айресе? – спросил Армандо де Троэе.

Макс улыбнулся и, осторожно постучав кончиком сигареты о крышку портсигара, тоже закурил. Новый поворот разговора позволил ему опять взглянуть в глаза Мечи. Он смотрел на нее и держал улыбку не меньше трех секунд. Потом повернулся к мужу:

– Среди обитателей предместий до сих пор принято перегибать партнершу в пояс и просовывать колено между ее ногами. В социальных низах еще сохраняются последние остатки старого танго... А то, что делаем мы, на самом деле бледная тень этого. Не более чем элегантная хабанера.

– И с текстами произошло нечто подобное?

– Да, но относительно недавно. Поначалу была только музыка или театральные куплеты. Когда я был еще ребенком, танго только-только начинали петь, и слова неизменно были малопрстойные, лукавые – двусмысленно-похабные истории, которые рассказывались от лица циничных проходимцев...

Он замолчал, засомневавшись на миг, что продолжать будет уместно.

– И что же?

Это произнесла Меча, играя серебряной ложечкой. И Макс решился:

– Ну... Стоит только вспомнить, что некоторые невинные на первый взгляд названия – «Ветерок слабоват, а пыль столбом», или «Семь дюймов», или «Немытая рожа» – на самом деле значат совсем другое. Или «Раковина Лоры».

– Кто такая эта Лора?

– «Проститутка» – на воровском аргю. Гардель¹⁷ часто использует его в своих танго.

– А раковина?

Макс, не отвечая, взглянул на де Троэе. Усмешка позабавленного композитора превратилась в широкую улыбку.

– Понятно, – сказал он.

– Понятно, – через секунду повторила она. И не улыбнулась.

Танго чувствительное, продолжал Макс, недавнее явление. Слезливые баллады, где непременно действуют бандиты-рогоносцы и сбившиеся с пути женщины, обрели популярность благодаря Гарделю. И под его пером цинизм преступника стал жалостным и меланхоличным. За поэтами такое водится.

– Мы с ним познакомились два года назад, когда он гастролировал в Мадриде, – сообщил Армандо де Троэе. – Очень милый человек. Немного шарлатан, конечно, но очень располагает к себе. – Он взглянул на жену. – И эта его знаменитая улыбка, да? Как будто он тут вообще ни при чем.

¹⁶ Рудольф Валентино (1895–1926) – знаменитый американский актер немого кино. По происхождению итальянец.

¹⁷ Карлос Гардель (1890–1935) – аргентинский музыкант, певец и киноактер. Известен как «король танго».

– Я его видел только однажды и то издали – в «Тропесоне», – сказал Макс. – Он ел куриное пучеро¹⁸. Вокруг, как всегда, толпились люди, и я не решился подойти.

– Поет он замечательно. Но немного слишком томно и сладко, не находите?

Макс затаился сигаретой. Де Троэйе, подливая себе коньяку, предложил и ему, но тот молча качнул головой.

– Он ведь в самом деле изобрел этот стиль. Прежде были только куплеты или бордельные песенки... Едва ли у него найдутся предшественники.

– А в отношении музыки? – Де Троэйе чуть пригубил и поверх бокала посмотрел на Макса. – В чем, по-вашему, разница между танго старым и современным?

Макс откинулся на спинку кресла, указательным пальцем слегка тронул сигарету, сбивая столбик выросшего пепла.

– Я ведь не музыкант. Я просто зарабатываю себе на жизнь танцами. И не сумею, наверное, отличить целую ноту от восьмушки.

– И однако, я хочу знать ваше мнение.

Макс еще несколько раз затаился сигаретой и только после этого ответил:

– Я могу сказать лишь о том, что знаю. Что помню... Произошло то же самое, что и с манерой танцевать и петь танго. Поначалу музыканты продвигались на ощупь, по наитию и разрабатывали малоизвестные темы по партитурам фортепиано или по памяти. Импровизировали наподобие джазменов.

– А что это были за оркестры?

Маленькие, уточнил Макс. Три-четыре человека, простые аккорды, максимальная быстрота исполнения. Скорее интерпретации, чем оригинальные композиции. Со временем эти группы усвоили кое-какие новшества: вместо гитар – соло фортепьяно и в дуэте со скрипкой... Это помогало неопытным танцорам и новичкам-любителям. Потом к новому танго приспособились и профессиональные оркестры.

– Это танго мы и танцуем, – договорил Макс Коста и очень аккуратно погасил в пепельнице окурки. – Оно и звучит в салоне «Кап Полония» и в приличных заведениях Буэнос-Айреса.

Меча Инсунса раздавила свою сигарету в той же пепельнице – но спустя несколько секунд после того, как это сделал Макс.

– А другое? – спросила она, играя мундштуком. – Что стало со старым танго?

Он не без труда отвел глаза от ее рук – тонких, изящных и породистых. На безымянном пальце левой сверкало золотое кольцо. Подняв голову, он перехватил устремленный на него взгляд де Троэйе – пристальный, но лишенный всякого выражения.

– Так и идет до сей поры, – ответил он. – Все дальше отесняется на обочину, все реже встречается. И когда изредка его все же играют, почти никто не танцует. Оно труднее. Жестче, грубее.

Макс помедлил. С такой улыбкой, что внезапно заиграла у него на губах, обычно что-нибудь припоминают.

– Один мой приятель говорит, что есть танго страдательные, а есть убийственные... Оригинальное танго относится ко второй категории.

Меча Инсунса облокотилась на стол, подперла щеку ладонью. Казалось, она слушает его с огромным вниманием.

– Его порой называют «танго старой гвардии», – уточнил он. – Чтобы отличить от нынешних, современных.

– Красиво, – заметил композитор. – Откуда взялось такое название?

¹⁸ Пучеро – традиционное блюдо испанской кухни из турецкого гороха, мяса (или птицы) и овощей.

Теперь его взгляд никак нельзя было счесть бесстрастным. Де Троэйе вновь превратился в любезного хозяина. Макс чуть развел руками:

- Не знаю. Затрудняюсь сказать вам. Вероятно, в память какого-нибудь старого танго...
- И оно все так же... непристойно? – спросила Меча.

Спросила тусклым голосом, безразличным тоном. Как если бы ученый-энтомолог справлялся у коллеги, насколько непристойно спариваются майские жуки. Если, конечно, они спариваются, подумал Макс. Почему бы им, впрочем, не спариваться?

- Это зависит от того, где танцуют.

Армандо де Троэйе был в восторге от услышанного.

– Замечательно интересно все, что вы рассказали, – сказал он. – Это превзошло все мои ожидания. И поменяло мои представления. Я хотел бы увидеть это своими глазами... Увидеть это танго в его естественной, так сказать, среде обитания.

– Насколько мне известно, сейчас такое можно увидеть лишь там, где приличным людям появляться не стоит, – ответил Макс уклончиво.

- И вы знаете в Буэнос-Айресе такие места?

– Знать-то я знаю... Но... – Он помедлил, взглянул на Мечу Инсунсу. – Порядочной женщине туда лучше не ходить... это может быть небезопасно.

– На этот счет не тревожьтесь, – сказала она очень холодно и очень спокойно. – Нам уже случалось бывать в неподобающих местах.

Вечереет. Солнце, клонясь к закату, еще висит над мысом Капо, окрашивая в красновато-зеленые тона стены вилл, густо рассыпанных по склону. Макс Коста в том же темно-синем блейзере и серых фланелевых брюках – он лишь сменил шелковый шейный платок на завязанный виндзорским узлом красный галстук в синюю точку – выходит из своего номера и присоединяется к другим постояльцам, пьющим аперитивы перед ужином. Кончилось лето, а с ним и многолюдство, но благодаря шахматному матчу в отеле оживленно почти по-прежнему: заняты едва ли не все столики в баре и на террасе. Плакат на подставке сообщает о том, что утром состоится очередная партия матча Келлер – Соколов. Остановившись, Макс рассматривает фотографии соперников. Из-под густых бровей – они такого же пшеничного цвета, что и ежик на голове, – светлые водянистые глаза советского чемпиона недоверчиво всматриваются в фигуры на доске. При виде его округлого, простецки-грубоватого лица, склоненного над доской, невольно думается, что несколько поколений его предков также смотрели, уродился ли хлеб, следили за передвижением облаков по небу, гадая, дождь завтра будет или ведро. А рассеянный, почти мечтательный – даже немного наивный, думает Макс – взгляд Хорхе Келлера устремлен прямо в объектив. Но впечатление такое, что видит он не фотографа, а кого-то или что-то, находящееся чуть поодаль и не имеющее никакого отношения к шахматам, и кажется, будто гроссмейстер по-юношески грезит наяву или созерцает какие-то смутные химерические образы.

Ласковый ветерок. Гул голосов смешивается с нежной негромкой музыкой. Великолепная терраса отеля «Виттория» вместительна и просторна. За балюстрадой открывается прекрасная панорама: Неаполитанский залив нежится в золотистых закатных лучах – с каждой минутой они ложатся все более и более полого. Метрдотель ведет Макса к столику возле изваянной из мрамора обнаженной женщины, заглядевшейся на море. Расположившись, Макс заказывает бокал белого похолодней, смотрит по сторонам. Публика элегантна, как и подобает этому месту и времени суток. Есть хорошо одетые иностранцы – в основном американцы и немцы, – проводящие в Сорренто мертвый сезон. Прочие – это гости миллионера Кампанеллы, немногие избранные, приехавшие по его приглашению и живущие за его счет. И те неистовые поклонники шахмат, кому по карману расходы на путешествие и проживание. Среди сидящих за соседними столами Макс узнает красавицу-кинозвезду и ее мужа, продюсера «Чинечитты»,

в компании еще каких-то неизвестных ему лиц. Неподалеку бродят двое молодых людей, по виду местные журналисты, у одного на шее висит «пентакс», и всякий раз, как репортер вскидывает фотоаппарат, Макс как бы случайно закрывается ладонью или отворачивается, делая вид, будто что-то привлекло его внимание в другом конце террасы. Это автоматическая реакция охотника, не желающего стать дичью. Давний рефлекс, развившийся за долгие годы постоянного профессионального риска почти до степени безусловного. Главная опасность для Макса Косты возникала, если по лицу устанавливали его личность, а потом то и другое оказывалось в распоряжении какого-нибудь полицейского, склонного поинтересоваться, а что, собственно, затевает здесь (или там) виднейший представитель племени тех, кого в былые времена определяли наивным иносказанием «воры в белых перчатках»?

Когда репортеры удаляются, Макс смотрит по сторонам, ищет. Выходя из номера, он подумал, что будет слишком невероятной удачей, если он сразу же повстречает ту женщину, – однако вот она, здесь, поблизости, сидит за столиком, и рядом с ней нет ни Келлера, ни девушки с «конским хвостом». Сегодня она без своей твидовой шляпы: коротко стриженная, серебристая сединой – вроде бы вполне натуральной, – голова непокрыта. Слушая собеседников, она наклоняет ее с учтивым вниманием – это движение так отчетливо помнится Макс, – а порой, с улыбкой следя за разговором, откидывает на высокую спинку стула. Одеты очень просто, с той же элегантной небрежностью, что и вчера: на ней просторная темная юбка и белая шелковая блузка, перехваченная в талии широким ремнем. На ногах – замшевые мокасины, на плечи наброшена замшевая же куртка. Ни колец, ни серег – вообще никаких украшений, только плоские часы на запястье.

Попробовав вино и убедившись, что охлаждено оно правильно – бокал запотел, – Макс чуть наклоняется, чтобы поставить его на стол, и вдруг встречается глазами с женщиной. Это происходит случайно и длится не больше секунды. Она как раз договорила фразу и обвела взглядом террасу – и в этот самый миг встретила глазами с человеком, сидящим через три столика. Взгляд этот не остановился на нем, а скользнул дальше, а сама она возвращается к прерванному разговору, внимательно слушая собеседника, и не сводит глаз с него и других своих спутников. Макс, меланхолично отметив, что самолюбие его слегка задето, улыбается про себя и ищет утешение в новом плотке «Фалерно». Ну да, разумеется, время его не пощадило, но ведь и она тоже изменилась. И сильно – с той последней встречи, двадцать девять лет назад, осенью 1937-го в Ницце. И еще сильнее – если вести отсчет с событий, произошедших в Буэнос-Айресе за десять лет до того. И еще больше времени минуло с разговора на шлюпочной палубе – разговора, который состоялся спустя четыре дня после памятного ланча в каюте супругов де Трозье, куда его пригласили поговорить о танго.

После бессонной ночи, когда Макс до утра лежал с открытыми глазами в своей каюте второго класса, ощущая мягкое покачивание огромного судна и где-то в самой его утробе – отдаленную вибрацию машины, он начал искать встречи с Мечей. Были вопросы, требующие ответа, были планы, нуждавшиеся в доработке. Надо было прикинуть вероятный выигрыш и возможный провал. Но кроме того – хоть он и самому себе не желал в этом признаться, – билось и пульсировало в его желании отыскать женщину нечто личное, необъяснимое, не имеющее никакого отношения к материальным обстоятельствам. Нечто, на удивление лишенное обычного расчета, но состоящее из ощущений, опасений, тяги.

Он нашел ее на шлюпочной палубе – там же, где и в прошлый раз. Лайнер полным ходом шел сквозь легкий туман, мало-помалу редевший под лучами восходящего солнца, – золотистый диск с размытыми очертаниями полз по небосводу все выше. Меча Инсунса сидела на тиковой скамье под тремя огромными красно-белыми трубами. На ней были спортивного покроя юбка в складку и полосатый шерстяной джемпер, туфли на низком каблуке, а склоненную над книгой голову охватывала узкополая соломенная шляпка колоколом. На этот раз Макс

не прошел мимо, ограничившись кратким поклоном, но остановился перед ней, снял кепку и поздоровался. Море было спокойно, солнце било в спину, и потому чуть колеблющаяся тень Макса легла на страницы книги и, когда женщина подняла глаза, на ее лицо.

– А-а, – сказала она. – Это вы? Танцор-совершенство?

И улыбнулась, но глаза, оставаясь абсолютно серьезными, смотрели изучающе и оценивающе.

– Как поживаете, Макс? Сколько юных барышень и одиноких дам отдавили вам ноги за последние дни?

– Слишком много, – со стоном отвечал он. – Всех и не упомнишь.

Меча Инсунса и ее муж вот уже четыре дня не появлялись в танцевальном салоне. После ланча в каюте Макс их так и не видел.

– Я подумал над тем, что сказал мне сеньор де Троэе... Насчет того, где в Буэнос-Айресе можно увидеть подлинное танго.

Улыбка обозначилась яснее. Красивый рот, подумал Макс. Да и вся она.

– Танго в духе старинной гвардии?

– Старой. Гвардия – старая. Да. Я это имею в виду.

– Чудесно, – сказала она. Захлопнула книжку и очень непринужденно подвинулась, давая ему место на скамейке. – И вы сможете сводить нас туда?

Это неожиданное множественное число немного смутило его. Он продолжал стоять перед ней, кепку по-прежнему держа в руке.

– Вас обоих?

– Ну да.

Макс наклонил голову в знак согласия. Потом надел кепку, не без кокетства надвинув ее на правый глаз, и сел на освобожденную ему часть скамейки. Это место было закрыто от ветра белой металлической конструкцией, соединенной с массивным вентиляционным коробом – одним из тех, что тянулись вдоль всей палубы. Макс краем глаза взглянул на книгу, лежавшую на коленях у Мечи. Заглавие было по-английски – «The Razor's Edge». «Лезвие бритвы» Сомерсета Моэма. Имя автора показалось ему знакомым, хоть он не читал никаких его книжек. Макс был, что называется, не по этой части.

– Что же, это вполне возможно, – ответил он. – Конечно, в том случае, если вы готовы ко всяким неожиданностям.

– Вы меня пугаете.

При этом она ни в малейшей степени не выглядела напуганной. Макс смотрел куда-то вдаль, поверх спасательных шлюпок, но чувствовал на себе ее пристальный взгляд. На мгновение засомневался, стоит ли обидеться на скрытую в ее словах насмешку, и решил, что не стоит. Быть может, она и в самом деле не лукавила, хотя представить, что она может чего-то испугаться, было все же очень трудно. Особенно неожиданностей определенного свойства.

– Речь идет о заведениях, которые посещает так называемое простонародье. Находятся они в кварталах бедноты, – пояснил он. – Но я по-прежнему не знаю, должны ли вы...

Он замолк и обернулся к ней. А ее, казалось, забавляет эта преднамеренная осторожная заминка.

– Вы хотели сказать, должна ли я рисковать, появляясь там?

– На самом деле там не так уж опасно. Главное – не слишком выставлять напоказ... Не кичиться.

– Чем?

– Ничем. Ни деньгами. Ни драгоценностями. Ни дорогими или чересчур элегантными нарядами.

Откинув голову, она громко расхохоталась. Какой беспечный, чистосердечный смех, подумал Макс. Такой слышится на теннисных площадках, на модных пляжах, в гольф-клубах, доносится из двухместных открытых «испано-сюиз».

– Понимаю... Мне надо будет одеться проституткой, чтобы не бросаться в глаза?

– Не шутите.

– Я и не думаю шутить. – Она взглянула на него неожиданно серьезно. – Если бы вы знали, сколько девочек мечтают наряжаться принцессами и сколько взрослых женщин – выглядеть как шлюхи.

Последнее слово в ее устах почему-то прозвучало не вульгарно, подумал растерявшийся Макс. Но лишь вызывающе. Вполне в стиле и духе женщины, способной из любопытства или развлечения ради отправиться в квартал, пользующийся дурной славой, чтобы посмотреть, как танцуют танго. Умеющей произносить некоторые слова и смотреть в глаза мужчины, словно от слов она уже перешла к делу. Но что бы ни говорила Меча Инсунса, вульгарной она не была и быть не могла. Капрал Долгорукий-Багратион, пока был жив, хорошо это формулировал: «Мое меня не минует, а что миновало – то не мое».

– Удивительно, что вашего мужа так интересуется танго, – сказал Макс, несколько оправившись. – Я считал его...

– Серьезным композитором?

Теперь черед рассмеяться пришел Максу. И он сделал это с мягкой и хорошо рассчитанной уверенностью человека светского:

– Это ведь всего лишь игра понятий. Но, конечно, как-то принято различать ту музыку, что сочиняет он, и ту, что звучит на танцуйках.

– Можем назвать это прихотью. Мой муж – человек своеобразный.

В душе Макс не мог с этим не согласиться. Да, вот именно, «своеобразный» – самое подходящее слово. Насколько ему было известно, Армандо де Трозье входит в пятерку самых известных и высокооплачиваемых композиторов мира. А из ныне живущих испанцев один лишь Фалья¹⁹ ему вровень.

– Восхитительный человек, – добавила женщина через секунду. – За тринадцать лет он достиг такого, о чем другие не могут даже мечтать... Вы знаете, кто такие Дягилев и Стравинский?

Макс дал понять, что это обидный вопрос. Да, я всего лишь жиголо, говорила его улыбка. И музыку знаю лишь понаслышке. Но все же не до такой степени неуч и невежда.

– Да, разумеется. Русский хореограф и его любимый композитор.

Меча кивнула и стала рассказывать. Армандо часто встречался с ними в Мадриде во время Великой войны, у своей чилийской приятельницы Эухении Эррасурис. Русские готовились показать в «Театро Реаль» «Жар-птицу» и «Петрушку». Армандо де Трозье же в ту пору был композитором многообещающим, но малоизвестным. Они прониклись друг к другу симпатией: де Трозье возил их в Толедо и Эскориал. Вскоре подружились. Через год снова встретились – теперь уже в Риме, и там они познакомили его с Пикассо. После войны, когда Дягилев и Стравинский вновь привезли в Мадрид свои балеты, де Трозье показывал им в Севилье процессии на Святой неделе. По возвращении они сблизились еще больше. Спустя три года, в 1923-м, в Париже состоялась премьера его «Пасодобля для Дон Кихота». Успех был оглушительный.

– Об остальном вы узнаете сами, – сказала Меча. – Турне по Соединенным Штатам, триумф «Ноктюрнов» в Лондоне, где на первом исполнении присутствовала испанская королевская чета, соперничество с Фальей, восхитительный скандал в парижском «Саль де Плей-

¹⁹ Фалья Мануэль де (1876–1946) – испанский композитор и пианист.

ель» на прошлогодней премьере «Скарамуша», который поставил Серж Лифарь²⁰ и оформил Пикассо.

- Да, это называется «триумф», – беспристрастно оценил Макс.
- А что для вас триумф?
- Гарантированные пятьсот тысяч песет в год. Можно больше.
- Ого. У вас слишком высокие требования.

В словах Мечи, глядевшей на него с любопытством, Максу почудилась ядовитая насмешка.

- А как вы познакомились с мужем?
- Тогда же и там же – у Эухении: она моя мачеха.
- Интересная, наверно, жизнь рядом с таким человеком.
- Да.

Односложное слово прозвучало отрывисто. И безо всякого выражения. Женщина смотрела туда, где за спасательными шлюпками виднелось море и в золотисто-серой дымке все выше поднималось солнце.

- А какое же отношение имеет ко всему этому танго? – спросил Макс.

И увидел, как она, склонив голову набок, раздумывает, словно перебирает один за другим возможные варианты ответа.

– Армандо – человек с юмором. Он любит игру. Во многих смыслах слова. И в своем творчестве тоже, разумеется. Игру рискованную, новаторскую... Именно этим он в свое время пленил Дягилева.

Она замолчала на миг, рассматривая рисунок на переплете книги, где был изображен какой-то элегантный господин на фоне средиземноморского пейзажа с зонтичными соснами и пальмами.

– Можно сказать, – наконец продолжила она, – что ему безразлично, для рояля пишется музыка, для гитары или для барабана глашатая... Музыка, по его мнению, есть музыка. Он на том стоит. И говорить тут больше не о чем.

За пределами их укрытия морской ветерок был слабым и возникал только от перемещения лайнера. Солнечный диск, становясь все четче и ярче, нагревал дерево. Меча Инсунса поднялась, и Макс встал следом.

– И всегда – необыкновенно своеобразный юмор, – продолжала она, очень естественно продолжая разговор. – Однажды он сказал репортеру, что хотел бы, подобно Гайдну, сочинять для увеселения монарха. Симфонию? Сделайте одолжение, ваше величество! А не понравится – обтешем ее, пригладим, превратим в вальс и напишем для него слова... Ему нравится делать вид, что он пишет по заказу, хотя это чистая ложь. Это он так кокетничает.

– Надо обладать большим умом, чтобы собственные чувства выдавать за подделку, – сказал Макс.

Он не помнил, где вычитал или услышал эту фразу. За неимением культуры истинной и собственной он очень ловко, уместно и своевременно умел вворачивать в свою речь чужие мнения. Меча Инсунса поглядела на него с легким удивлением:

- Хм... Кажется, мы вас недооценивали, сеньор Коста.
- Макс улыбнулся. Они медленно шли по палубе на корму.
- Просто Макс.
 - Да, конечно... Макс.

²⁰ Серж (Сергей Михайлович) Лифарь (1905–1986) – французский артист балета, хореограф, педагог. Выходец из России. Ученик и сподвижник С. П. Дягилева.

Дошли до ограждения, облокотились, наблюдая, как мелькают внизу кепки, мягкие шляпы, белые панамы, женские памелы²¹, модные в том сезоне фетровые и соломенные шапочки-каскаетки с разноцветными лентами. На палубе первого класса, где прогулочные галереи левого и правого бортов соединялись на небольшой террасе курительного салона, царило оживление: все столики были заняты, и пассажиры наслаждались спокойным морем, погожим мягким днем. Был час аперитивов: десяток лакеев в темно-красных курточках сновали между столиками, балансируя подносами с напитками и закусками, а метрдотель зорко следил, чтобы все было достойно высокой цены билета.

– Симпатичные... – заметила она. – Я про официантов. Кажется, они очень довольны своей жизнью. Может быть, это море так на них действует.

– Это в самом деле только так кажется. Их безжалостно гоняют офицеры и пассажирский помощник. А вызывать симпатию – часть их работы: им платят за то, чтобы улыбались.

Меча Инсунса поглядела на него со вновь пробудившимся интересом. Иначе, чем прежде.

– Похоже, вы хорошо осведомлены.

– Уж в этом можете не сомневаться. Но мы говорили о вашем муже. О его музыке.

– Да-да... Я собиралась рассказать, что Армандо любит углубляться в апокрифы, произвольно смешивать разные эпохи. И с большим удовольствием работает с копией, нежели с оригиналом... То здесь, то там оставляет некие метки, куски, сделанные в стиле и духе Шумана, или Сати, или Равеля... Он примеряет разные маски, доходя почти до пародирования. И пародирует даже то – и главным образом то, – что само по себе уже пародия.

– То есть некий иронический плагиат?

Замолчав, она снова взглянула на него как-то по-особенному. Пытливо и изучающе, будто стараясь проникнуть в самую суть.

– Иногда это называют модернизмом, – смягчил свое высказывание Макс, явно опасаясь зайти слишком далеко.

И предъявил свою фирменную улыбку – улыбку доброго малого, который звезд с неба не хватает и весь как на ладони. Или, как назвала его при встрече Меча Инсунса, «танцора-совершенство». Спустя еще миг она отвела глаза и покачала головой:

– Не путайте, Макс... Он – необыкновенный композитор, вполне заслуживающий своей славы. Он притворяется, что ищет, хотя уже нашел, и делает вид, что пренебрегает деталями, хотя скрупулезнейшим образом разработал их. Умеет быть вульгарным, но даже вульгарность эта – особого свойства. Знаете, тщательно продуманная небрежность в одежде подчеркивает ее изысканность... Вы слышали интродукцию к «Пасодоблю для Дон Кихота»?

– Нет. К сожалению. По части музыки мои познания не простираются дальше бальных танцев. Ну, или почти.

– В самом деле жаль. Тогда вам были бы понятней мои слова. Введение, которое никуда ничего не вводит. Гениальная шутка.

– Для меня это слишком сложно, – искренне признался он.

– Несомненно, – ответила она, в очередной раз окинув его внимательным взглядом. – Да.

Макс стоял, по-прежнему опершись на выкрашенный в белый цвет планшир. Его левая рука находилась в двадцати сантиметрах от ее правой руки, державшей книгу. Жиголо посмотрел вниз, на пассажиров первого класса. Отшлифованная многолетними усилиями выучка позволила ему почувствовать сейчас лишь слабый, смутный намек на злобу. Причем не такую, с которой нельзя было бы совладать.

– И танго, которое мечтает сочинить ваш муж, тоже будет шуткой? – спросил он.

²¹ Памела – женская соломенная шляпа с большими полями.

Да, в определенном смысле, ответила она. Но не только. Танго стало настоящим поветрием. Оно одинаково сводит людей с ума в салонах, в театрах, в кино или на танцульках в парке. И вот Армандо намерен поиграть с этим безумием. Вернуть публике простонародность, но как бы процеженную сквозь фильтры иронии, о которой она говорила Максусу чуть раньше.

– Замаскировать его на свой манер и в своем стиле. И во всю силу своего таланта создать танго, которое было бы пародией на пародии.

– Нечто вроде того рыцарского романа, который когда-то разом покончил со всеми рыцарскими романами?

Она не смогла скрыть удивление:

– Вы читали «Дон Кихота», Макс?

Он быстро просчитал в уме варианты. И решил, что лучше будет не рисковать. Ни к чему козырять интеллектом. Как говорится, лжец и ловкач попадают впросак чаще, чем неуклюжий простак.

– Нет, – ответил он, снова улыбнувшись с безупречно отработанной непринужденностью. – Сам роман не читал, но о нем – очень много.

– Ну, «покончить» – это, может быть, слишком сильно сказано. По крайней мере, отринуть, оставить позади. Создать нечто непревзойденное и собравшее в себе все. Совершенное танго.

Они отошли от борта. Над морем, на глазах терявшим сероватый оттенок и набиравшим яркой синевы, солнце рассеивало последние остатки дымки. Восемь спасательных шлюпок левого борта сверкали белым так ослепительно, что Максусу пришлось поглубже надвинуть на глаза козырек. Меча Инсунса из кармашка своего джемпера достала и надела темные очки.

– Он в восторге от ваших рассказов, – проговорила она, сделав еще несколько шагов по палубе. – И очень рассчитывает, что вы исполните обещание и покажете ему в Буэнос-Айресе настоящее танго.

– Ему одному?

Не замедляя шага, она сбоку взглянула на него так, словно не поняла вопроса. Минеральные воды «Инсунса», вспомнил Макс. В читальном салоне он нашел в иллюстрированных журналах рекламные объявления, а потом еще уточнил у пассажирского помощника. В конце века ее дед-фармацевт нажил состояние, разливая в бутылки и продавая воду из целебного источника в Сьерра-Неваде. Потом отец построил там два отеля и современный санаторий для лечения болезней печени и почек, и вскоре летние поездки на воды вошли в моду среди высшей андалузской буржуазии.

– На что расчет, сеньора? – настойчиво спросил Макс.

На этом этапе разговора он вправе был ожидать, что она попросит называть ее Меча или Мерседес. Но этого не произошло.

– Мы женаты пять лет. И я глубоко восхищаюсь им.

– И потому хотите, чтобы я отвел вас туда? Вас обоих? – Он позволил себе нотку скепсиса. – Вы-то ведь не сочиняете музыку?

Ответ был дан не сразу. Меча Инсунса продолжала медленно шагать по палубе, пряча глаза за стеклами темных очков.

– А вы, Макс, что намерены делать? Вернетесь обратным рейсом в Европу или останетесь в Аргентине?

– Останусь, наверно, на какое-то время. Мне предложили трехмесячный контракт в столичном отеле «Плаза».

– Танцевать?

– Пока – да.

Последовало молчание. Краткое.

– Все же эта профессия сулит не слишком блестящее будущее. Если только...

Она оборвала фразу, но Макс без труда мог завершить ее: «...Если только благодаря великолепной внешности, улыбке славного малого и танго не подцепишь надушенную „Roger & Gallet“ миллионершу, которая возьмет на себя оплату всех твоих расходов, тебя – в *chevalier servant*²². Или, как выражаются итальянцы, – в чичисбеи. А если еще грубее и проще – в альфонсы».

– Но я и не собираюсь посвящать этому всю жизнь.

Теперь темные стекла обратились в его сторону. И замерли. Он видел в них свое отражение.

– В прошлый раз вы очень интересно сказали о танго страдательных и танго убийственных.

Интуиция и на этот раз подсказала Макс: следует быть искренним.

– Это не мои слова. Так считал один мой друг.

– Тоже танцор?

– Нет. Он был солдатом.

– Был?

– Был. Его уже нет на свете.

– Сочувствую.

– Тут нет повода для сочувствия, – уклончиво улыбнулся Макс. – А звали его Долгорукый-Багратион.

– Простых солдат так не зовут... Это имя больше подходит офицеру, а? Какому-нибудь русскому аристократу.

– Именно так. Он был и русский, и аристократ. По крайней мере, так представлялся.

– А на самом деле? Настоящий аристократ?

– Возможно.

Меча Инсунса впервые, кажется, за все это время показалась ему растерянной. Они остановились у фальшборта, под спасательными шлюпками. На корме черными буквами было выведено название. Женщина сняла шляпу – Макс успел заметить на подкладке этикетку со словом «Talbot» – и встряхнула волосами, подставляя голову ветру.

– И вы тоже были солдатом?

– Недолго.

– И воевали в Европе?

– В Африке.

Она чуть качнула головой, как бы с удивлением, словно видела Макса впервые.

В течение многих лет североафриканскими названиями пестрели заголовки испанских газет, а портреты молодых офицеров заполняли страницы иллюстрированных журналов «Эсфера» или «Бланко и negro»: капитан такой-то (регулярная армия, пехота), лейтенант такой-то (Иностранский легион), младший лейтенант такой-то (регулярная армия, кавалерия) пали смертью храбрых – упомянутые на страницах светской хроники неизменно гибнут героически и никак иначе – в Сиди-Хаземе, в Кераме, в Баб-эль-Кариме, в Игерибене.

– Вы имеете в виду Марокко? Мелилью, Анваль и прочие ужасные места?

– Да. Их все.

Прислонившись к борту, он наслаждался легким ветром, освежавшим лицо, шурил ослепленные солнечным блеском глаза на море, на яркую белизну шлюпки. Потом достал из внутреннего кармана пиджака портсигар с чужой монограммой и заметил, что Меча Инсунса очень внимательно наблюдает за ним. Она продолжала изучающе смотреть на него и, когда он протянул ей раскрытый портсигар, качнула головой, отказываясь. Макс же достал сигарету, слегка постучал ею по крышке, прежде чем поднести ко рту.

²² Постоянный спутник дамы, кавалер замужней женщины на прогулках и увеселениях (*фр.*).

– Где вы научились так вести себя?

Достав коробок спичек с логотипом пароходной компании на этикетке, он зашел за шлюпку, чтобы зажечь спичку и прикурить. И на этот раз тоже не покривил душой, отвечая:

– Что вы имеете в виду?

Женщина сняла темные очки. Глаза на таком свете казались гораздо светлее и прозрачнее.

– Не обижайтесь, Макс, но в вас есть что-то такое, что сбивает с толку. Вы безупречно держитесь, чему, разумеется, помогает ваша наружность. Вы чудесно танцуете и умеете носить фрак, как, пожалуй, мало кто из всех, кого я знаю. И все же не кажетесь человеком...

Он улыбнулся, скрывая неловкость, чиркнул спичкой. Но не успел прикурить: ветер задул огонек, хоть и спрятанный в ладонях.

– Воспитанным?

– Нет, я не это хотела сказать... Вы не выставляетесь напоказ, как свойственно людям недалеким, нахраписто лезущим к успеху, не стремитесь предстать не таким, как на самом деле, лишены пошловатого тщеславия. И даже того природного нахальства, которое так свойственно юношам из благополучных семей... Но кажется, что мир льнет к вам, стелется вам под ноги, хоть вы и не прилагаете к этому особых усилий... И я не только женщин имею в виду... Понимаете меня?

– Ну, более или менее.

– И все-таки, когда вы в прошлый раз рассказывали о своем детстве в Буэнос-Айресе, о возвращении в Испанию... Жизнь в ту пору вроде бы не слишком много обещала вам... Потом дела пошли на лад?

Макс снова чиркнул спичкой – на этот раз удачно, сквозь первое облачко дыма взглянул на Мечу. И внезапно перестал смущаться. Ему припомнились Китайский квартал Барселоны, марсельский Канебьер, пот и страх Иностранного легиона. Три тысячи иссушенных солнцем трупов, оставленных на пути от Анваля к Монт-Аррюи. И венгерку Боске в Париже – ее горделивую нагую стать в лунном свете, льющемся через единственное оконце мансарды на улице Фюрстенберг, играющем серебристыми тенями на скомканных простынях.

– Да, – ответил он наконец, глядя в море. – В самом деле, кое-что наладилось.

Солнце уже скрылось за мысом Капо, и Неаполитанский залив медленно погружается в темноту, гаснут на воде последние лиловатые отблески. Вдалеке под мрачным склоном Везувия по всей линии побережья от Каstellамаре до Поццуоли загораются первые огни. Настает час ужина, и терраса отеля «Виттория» мало-помалу пустеет. Макс Коста со своего места видит, как женщина встает и направляется к стеклянной двери. Они снова на миг встречаются глазами, но ее взгляд – рассеянный и случайный – скользит по лицу Макса с прежним безразличием. А Макс, впервые увидев ее здесь, в Сорренто, так близко, понимает, что время, хоть и пощадило кое-что из былой ее красоты – прежними остались и глаза, и очерк красиво очерченных губ, – все же и по ней прошлось тяжело, не пожалело: очень коротко остриженные волосы стали серебристо-седыми, как и у Макса; кожа одрябла, потускнела и будто заткана паутиной бесчисленных мельчайших морщинок, особенно заметных в углах рта и вокруг глаз; на тыльных сторонах ладоней, сохранивших свое точеное изящество, безобманными приметами старости проступили пигментные пятна. Но движения остались такими же, как запомнилось Макс, – уверенными и спокойными. Присущими женщине, которая всю жизнь шла по свету, сотворенному именно и только для этого. Пятнадцать минут назад Хорхе Келлер и девушка с «конским хвостом» присели за тот же столик, а теперь вместе с нею идут к выходу, пересекают террасу, минуя Макса, и скрываются из виду. Их сопровождает грузный лысый мужчина с полуседой бородой. Едва лишь эти четверо проходят мимо, Макс встает, идет следом, выхо-

дит за дверь и останавливается на миг возле кресел «либерти»²³ и кадок с пальмами, украшающими зимний сад. Отсюда ему видны стеклянная дверь в холл и лестница в ресторан. Когда он оказывается в холле, Меча Инсунса и ее спутники уже поднялись по двум маршам внешней лестницы и углубились в аллею, выводящую на площадь Тассо. Макс возвращается в холл, останавливается перед конторкой младшего портье:

– Неужто это и есть Келлер, шахматный чемпион?

Удивление сыграно блестяще. Долговязый костлявый молодой парень со скрещенными золотыми ключами на лацканах черной тужурки недоверчиво смотрит на него:

– Он самый, синьор.

Макс Коста, за полвека где только не побывавший, чего только не повидавший, одно по крайней мере усвоил твердо: от подчиненных можно добиться большего толка, чем от начальников. Потому он неизменно старался завести добрые отношения с теми, от кого и вправду что-то зависит напрямую, – с портье, швейцарами, официантами, секретаршами, таксистами, телефонистками. С людьми, чьи руки на самом деле приводят в действие шестерни благоустроенного общества. Однако такие полезные знакомства не случаются с бухты-баракты: для этого нужны время, здравомыслие и еще что-то такое, чего не купишь за деньги, – особая манера общения, многозначительная и естественная, как бы говорящая: «Ты – мне, я – тебе, но в любом случае я тебе обязан, друг мой, и в долгу не останусь». Что же касается Макса лично, то щедрые ли чаевые, бесстыдная ли взятка – его изысканные манеры неизменно затушевывали и без того неясную черту меж этими понятиями – всегда служили не более чем предлогом для сокрушительной улыбки, которой он потом одаривал как жертв своей интриги, так и вольных или невольных сообщников. И благодаря этой тщательности, пронесенной через всю жизнь, шофер доктора Хугентоблера собрал обширную коллекцию личных знакомств, связанных с ним отношениями тайными и особыми. Были в его коллекции мужчины и дамы сомнительной, очень мягко говоря, нравственности, способные не моргнув глазом вытащить у человека золотые часы, но готовые эти самые часы и заложить, чтобы его же выручить в трудную минуту или заплатить ему долг.

– И надо полагать, маэстро отправился ужинать?

Парень снова кивает, но на этот раз губы его раздвигаются в машинально-учтивой улыбке: он знает, что этот пожилой респектабельный джентльмен, который сейчас небрежно достает из внутреннего кармана красивый кожаный бумажник, платит за каждую ночь в «Виттории» столько же, сколько портье получает в месяц.

– Обожаю шахматы... Мне так хочется знать, где ужинает синьор Келлер. Сами понимаете, фетишизм поклонника...

Пятитысячная, деликатно сложенная вчетверо, переходит из одной руки в другую и исчезает в кармане тужурки со скрещенными ключами на лацканах. Улыбка ее носителя обретает большую живость и естественность.

– Ресторан «О'Парруккьяно» на Корсо Италия, – отвечает он, сверившись с книгой заказов. – Славное место для тех, кто любит рыбу или каннелони²⁴.

– Непременно схожу как-нибудь. Спасибо.

– Всегда к вашим услугам, синьор.

Времени больше чем достаточно, сообщает Макс. И потому, скользя пальцами вдоль перил широкой лестницы, украшенной фигурами в якобы помпейском духе, он поднимается на второй этаж. Тициано Спадаро, перед тем как смениться с дежурства, сообщил ему, в каких номерах остановились Хорхе Келлер и его спутники. Женщина живет в номере 429, и к нему-

²³ «Либерти-стиль» (англ. liberty style) – одно из названий стиля модерн в Западной Европе конца XIX – начала XX века.

²⁴ *Каннелони* – разновидность пасты: трубочки, заполненные начинкой из сыра, шпината, мяса и пр. и запеченные в духовке.

то по длинному коридору, по ковровой дорожке, глушащей звук шагов, и направляется Макс. Дверь самая обычная, без затей, с классическим замком, так что через скважину можно заглянуть внутрь. Макс пробует сначала отпереть ее собственным ключом (не раз уж бывало так, что счастливый случай одолевал технические сложности), а потом, настороженно оглядев коридор из конца в конец, достает из кармана незамысловатую отмычку – инструмент столь же совершенный в своем разряде, как скрипка Страдивари в своем, – стальную, сантиметров десять длиной, узкую, тонкую и раздвоенную на конце; часа два назад он уже испробовал ее на двери собственного номера. Полминуты спустя три негромких щелчка сообщают, что путь свободен. Тогда Макс поворачивает дверную ручку и открывает дверь с хладнокровием профессионала, значительную часть жизни с абсолютным миром в душе взламывавшего чужие двери. Потом, еще раз оглядев коридор, вешает на ручку табличку «Не беспокоить» и входит в номер, тихонько насвистывая сквозь зубы «Тот, кто банк сорвал в Монако».

3. Парни былых времен

С балкона, выходящего на залив, в номер проникает последний свет гаснущего дня. Макс предусмотрительно задергивает шторы, приносит из ванной полотенце и кладет его у двери, затыкая щель меж косяком и полом. Потом надевает тонкие резиновые перчатки и включает свет. Номер одиночный, обставлен штофной мебелью; по стенам гравюры с видами Неаполя. На бюро – свежие цветы в вазе; все прибрано и вычищено. На полочке в ванной комнате стоят флакон «Шанели» и набор увлажняющих и омолаживающих кремов от Элизабет Арден. Макс ни к чему не прикасается, запоминает, где что стоит, чтобы после его ухода все в номере осталось как было. В ящиках, на бюро, на ночном столике лежат какие-то мелочи, блокноты, сумочка с несколькими тысячами лир банкнотами и мелочью. Надев очки, Макс осматривает книги: два английских детектива Эрика Амблера – такие обычно покупают на вокзале в дорогу – и одна по-итальянски, некоего Сольдати, «La lettere da Capri»²⁵. Под ними, заложенная конвертом с отельной «памяткой», лежит английская биография Хорхе Келлера с его портретом на обложке. Несколько абзацев подчеркнуто карандашом. Макс читает наугад:

«Вспоминают, что он до такой степени огорчился от проигрыша, что безутешно рыдал и по несколько дней отказывался от еды. Но мать неизменно говорила ему: „Без поражений не бывает побед“».

Положив книгу на место, Макс открывает шкаф. На верхней полке – два неновых чемодана «Луи Виттон», а внизу развешаны на плечиках замшевый пиджачок, платья и юбки темных тонов, шелковые и льняные блузки, вязаные жакеты и кардиганы, французские, тонкого шелка косынки, расставлены английские и итальянские туфли – дорогие и удобные, на плоской подошве или на низком каблучке. Еще ниже, под стопками сложенной одежды, Макс обнаруживает большую кожаную коробку, запирающуюся на маленький замок, – и, чувствуя давний, забытый зуд в пальцах, даже тихо урчит от удовольствия, как голодный кот над хребтом сардины. Еще через полминуты с помощью отмычки, изогнутой в форме буквы L, коробка открыта. Внутри оказываются небольшая пачка швейцарских франков и чилийский паспорт на имя Мерседес Инсунсы Торренс... место рождения – Гранада, Испания... дата рождения – 7 июня 1905 года... проживает – Шемен дю Бо-Риваж, Лозанна, Швейцария. Фотография наклеена недавно, и Макс изучает ее со всем вниманием, узнавая седые, почти по-мужски коротко стриженные волосы, взгляд, направленный в объектив, морщины в углах глаз и губ – все то, что заметил, когда женщина проходила мимо по террасе отеля, и что сейчас, на снимке, сделанном в резком свете вспышки, обнаруживается еще более очевидно. Шестьдесят один год. Возраст скоро можно будет счесть преклонным. На три года моложе его самого, только надо учесть, что губительное время к женщинам еще безжалостней, чем к мужчинам. И все же красота, которую Макс оценил почти сорок лет назад на борту «Кап Полония», заметна даже на этой фотографии – и невозмутимые глаза, сделавшиеся от фотовспышки светлее, чем запомнилось ему, и восхитительно очерченные губы, и нежный очерк лица, и неодрябшая длинная шея – признак хорошей породы. Некоторые особи наделены красотой так щедро, меланхолично думает Макс, что ее хватает до старости. Постаравшись положить деньги и паспорт в точности на прежнее место, он смотрит, что еще есть в коробке. Немного драгоценностей – изящные простые серьги, узкий гладкий золотой браслет, дамские часики «Вашерон Константин» на черном кожаном ремешке. И еще один кожаный футляр – коричневый, сильно потертый. И Макс, открыв его и увидев внутри то самое кольцо – двести первоклассных жемчужин и золотая застежка, – от неожиданной удачи не может унять дрожь в руках и сдержать искривившую губы, довольную усмешку, от которой вдруг молодеет сосредоточенное, напряженное лицо.

²⁵ «Письма с Капри» (ит.).

Пальцами, обтянутыми тонкой резиной, он вытягивает кольцо из гнезда и разглядывает под лампой: сохранившись безупречно, оно осталось в точности таким, как он когда-то увидел. Даже застежка прежняя. Мягкий, почти матовый блеск красивых бусин играет на свету. Тридцать восемь лет назад, в Монтевидео, когда он на несколько часов стал обладателем этого кольца, ювелир по фамилии Троянеску уплатил за него хоть и куда меньше истинной цены, но все же очень и очень немалые по тем временам три тысячи фунтов стерлингов.

Рассматривая жемчуга, Макс пытается подсчитать, сколько же они могут стоить сейчас. Он всегда был докой в таких экспресс-экспертизах, и глаз у него наметан – опытом, практикой, остротой ситуаций. Из-за перепроизводства искусственного жемчуга натуральный сильно упал в цене, но все же старинные камни высшего качества стоят дорого: эти вот, например, потянут до пяти тысяч долларов. Надежный итальянский барыга – у Макса есть такой, еще не удалившийся на покой, – даст четыре пятых этой суммы, то есть, в пересчете на лиры, два с половиной миллиона, что равно трехлетнему жалованью шофера с виллы «Ориана». И так вот Макс оценивает кольцо Мечи Инсунсы: женщины, давно ему известной – и незнакомой. Той, чья фотография вклеена в паспорт и чей новый, неведомый, а может, и попросту забытый аромат он вдохнул, войдя в номер, и ощущал, рассматривая вещи в шкафу. Той самой – и совсем, а может быть, и не совсем другой, – которая меньше часа назад прошла мимо и не узнала его. От теплых прикосновений жемчужин нахлынули воспоминания о звуках музыки и разговорах, об огнях прошлых лет (кажется, не лет, а столетий), о предместьях Буэнос-Айреса, о дробном стуке дождевых капель в оконное стекло, за которым – Средиземное море, о теплом привкусе кофе на губах женщины, о шелковистой упругости ее кожи. Все эти физические ощущения казались давно забытыми, а теперь вдруг разом и все вместе вернулись, словно осенний ветер принес ворох сухих листьев. И от этого старое сердце, навеки вроде смиренное, забилося чаще.

Макс присаживается на край кровати и сидит в задумчивости, глядя на ожерелье, перебирая жемчужины, как зерна четок. Наконец со вздохом поднимается, одергивает покрывало и прячет ожерелье на место. Убирает очки, окидывает номер прощальным взглядом, гасит свет, поднимает с пола полотенце и, сложив, кладет в ванной. Потом отдергивает шторы. Уже совсем стемнело, и вдалеке виднеются огни Неаполя. Выходя, он снимает с дверной ручки табличку «Не беспокоить», запирает дверь. Стягивает резиновые перчатки и широко, упруго шагает по ковровой дорожке – одна рука в кармане, большим и указательным другой поправляет узел галстука. Ему шестьдесят четыре года, но он чувствует себя молодым. Привлекательным. И главное, дерзко-отважным.

Сновали бои с телеграммами и messages²⁶, провозили тележки с багажом. Былолюдно и шумно, как и должно быть в подобном месте, дорогом и космополитичном. На толстых пушистых коврах сиял логотип гостиницы. Макс Коста уже час и пятнадцать минут ждал в вестибюле отеля «Палас» Буэнос-Айреса, в курительной у подножья монументальной лестницы с бронзовыми перилами. Бывшее из-под высокого, расписного и разукрашенного купола послеполуденное солнце освещало огромные витражные окна, и фигуру танцора обволакивали разноцветные полотнища. Он сидел, развернув кожаное кресло так, чтобы держать в поле зрения вращающуюся дверь, весь огромный холл, один из лифтов и стойку портье. Макс пришел без пяти три, как и было условлено с четой де Трозье, однако часы над камином в курительном салоне показывали уже десять минут пятого, а супругов все не было. Снова взглянув на циферблат, он сменил позу, не позабыв подпернуть, чтобы не вытягивались на коленях, серые брюки, собственноручно выглаженные в номере пансиона, и потушил сигарету в большой латунной пепельнице. Опоздание композитора и его жены он воспринимал спокойно. В конце концов, в некоторых ситуациях – а по сути дела, во всех – терпение есть полезнейшее свойство. В выс-

²⁶ Сообщения (англ.).

шей степени необходимая добродетель. И он – охотник искусный и умеющий выжидать – был наделен ею в полной мере.

Он находился в Буэнос-Айресе уже пять дней – столько же, сколько супруги де Троэье. После стоянок в портах Рио-де-Жанейро и Монтевидео «Кап Полоний» прошел против течения илистую Рио-де-ла-Плату и после долгого маневрирования наконец ошвартовался у причальной стенки, где на фоне портовых кранов и краснокирпичных пакгаузов волновалась и бурлила толпа встречающих. В Европе стояла осень, а в Южной Америке начиналась весна, и с высоких палуб лайнера видно было, что все собравшиеся на причале – в легком и светлом, в соломенных шляпах. Макс, не имевший права сойти на берег раньше пассажиров, смотрел, как спустившуюся по главному трапу чету де Троэье встречают человек шесть и стайка репортеров, ведут туда, где под присмотром троих стюардов и агента судоходной компании громоздятся их уже выгруженные чемоданы и баулы. Супруги попрощались с Максом два дня назад, после ужина, устроенного по случаю благополучного прибытия, и Меча Инсунса танцевала с ним трижды, а муж курил за своим столиком, наблюдая за ними. Потом они пригласили жиголо в бар первого класса, и, хотя это возбранялось правилами, Макс согласился – это был последний день его работы. Они выпили несколько коктейлей с шампанским, до глубокой ночи обсуждая аргентинскую музыку, и договорились встретиться в Буэнос-Айресе – с тем чтобы Макс исполнил обещание и сводил их в какое-нибудь заведение, где еще можно увидеть подлинное, старое танго.

И вот теперь он сидит здесь, в холле отеля, и ждет с тем же профессиональным спокойствием, с каким, доверяя своей интуиции и воспринимая свое терпение как полезную добродетель, пролежал в ожидании последние пять суток на кровати в номере убогого пансиона на проспекте Адмирала Брауна, выкуривая одну сигарету за другой и вытягивая стакан за стаканом абсент, от которого наутро просыпался с головной болью. И вот на исходе самому себе назначенного срока, после которого следовало озаботиться поисками выгодной партии, в дверь постучала хозяйка и сказала, что его просит к телефону некий кабальеро по имени Армандо де Троэье. Композитор сообщил, что утром у него будет деловая встреча, но во второй половине дня и вечером он свободен. Так что они могут встретиться, выпить кофе, а потом отужинать вместе, прежде чем отправиться на обещанную вылазку в неприятельский стан. Де Троэье произнес эти два слова легко и шутливо, так, словно не воспринял всерьез предупреждение, что посещение столичных притонов – дело опасное. «С нами, разумеется, пойдет и Меча». Это он добавил после краткой паузы, отвечая на невысказанный вопрос Макса. И, помолчав еще немного, сказал, что ей это еще интересней, чем ему, причем можно было догадаться, что она где-то рядом: «Палас» – современный отель, телефоны стоят в каждом номере, и Макс нетрудно было себе представить, как супруги многозначительно переглядываются и вполголоса перебрасываются репликами, пока муж зажимает трубку ладонью. В последний их вечер на борту лайнера Меча заявила, что пойдет с ними во что бы то ни стало.

– Ни за что на свете не пропущу такой случай, – сказала она очень спокойно и твердо.

Тогда она сидела на высоком винтовом табурете перед стойкой, за которой бармен сбивал коктейли. На шее у Мечи Инсунсы сверкало и переливалось жемчужное кольцо в три витка, а платье от Вионне – белое, простое, с открытыми плечами и спиной (протокол прощального ужина требовал вечернего туалета) – подчеркивало ее изящество. Протанцевав с ней три танго, Макс – он ни разу за все время плавания не увидел, чтобы она танцевала с мужем, – снова и с удовольствием почувствовал кожу под атласом длинного платья, доходившего до туфель на высоком каблуке и при резких поворотах в такт музыке пленительно обрисовывающего линии тела, которое он держал в своих объятиях профессионально крепко, но не вполне безразлично.

– Там могут возникнуть непредвиденные ситуации, – настойчиво повторил он.

– Я рассчитываю на вас и на Армандо, – ответила она невозмутимо. – Надеюсь, вы меня защитите.

– Прихвачу свою «астру»²⁷, – весело сказал композитор, похлопав себя по карману.

И подмигнул Макс, но тому не понравились ни легкомыслие мужа, ни бестрепетность жены. На миг он усомнился в том, что игра стоит свеч, но хватило одного взгляда на колье, чтобы увериться в обратном. Возможность риска уравновешена вероятностью выгоды, утешил он себя. Дело житейское. И ограничился лишь тем, что сказал меж двумя глотками:

– С оружием лучше туда не ходить... И не только туда, а и вообще никуда. Всегда появляется искушение применить.

– Не для того ли оно и существует?

Армандо де Троэйе бесшабашно улыбался. Вероятно, ему нравится этот шутивно-воинственный тон ироничного искателя приключений. Макс почувствовал уже знакомый укол злости. Легко было представить, как композитор потом будет хвастаться этой эскападой в кругу друзей – миллионеров и снобов. Того же Дягилева, например, с его «Русскими сезонами». Или пресловутого Пикассо.

– Когда достаешь оружие, ты приглашаешь других сделать то же самое.

– Ого... – протянул де Троэйе. – Для человека вашей профессии вы недурно осведомлены.

В этой внешне благодушной реплике звучала язвительно-насмешливая нотка. Макс уловил ее, и она ему тоже не понравилась. Может быть, подумал он, знаменитый композитор вовсе не так мил и обходителен, каким хочет выглядеть. А может быть, ему показалось, что три танго за один вечер и с одной партнершей – это чересчур.

– В самом деле недурно, – сказала женщина.

Де Троэйе взглянул на нее с легким удивлением. Так, словно прикидывал, что может знать о Максе его жена такого, чего не знает он.

– Ну разумеется, – заключил композитор, и понимать эту туманную фразу можно было как угодно. Потом снова заулыбался – на этот раз более искренне – и сунул нос в высокий стакан, словно знать ничего больше не желал.

Глаза Макса и Мечи Инсунсы на мгновение встретились. Танцующая с ним сегодня, она, как всегда, смотрела куда-то выше его правого плеча и – намеренно ли, случайно – избегала его взгляда. Но то, что возникло между ними во время беззвучного танго в «пальмовом салоне», изменило их поведение, проникнутое тихим, непоказным сообщничеством, которое сквозит в молчании, в движениях, фигурах, позах, принимаемых будто по взаимному уговору, когда кажется, что душевное состояние одного не просто передается, а властно, почти насильно навязывается другому, – а также и то, как они смотрели друг на друга, еще не высказывая этими взглядами все до конца, и те только кажущиеся простыми ситуации, когда он предлагал ей очередную турецкую сигарету и спустя мгновение подносил огонек зажигалки или чуть изгибался на стуле, вроде бы ведя разговор с мужем, а на самом деле обращаясь к ней, или когда ждал, замерев и сдвинув по-военному каблуки, пока Меча Инсунса поднимется, небрежно протянет к его руке одну руку, а другую опустит на атласный отворот фрака, и в идеальной согласованности всех движений они заскользят по площадке, искусно огибая другие пары, которые рядом с ними будут казаться более неловкими или менее привлекательными.

– Это будет забавно, – заключил Армандо де Троэйе, допив свой стакан. Показалось, что он обозначил словами последнее звено длинной логической цепочки.

– Да, – согласилась Меча.

Макс, слегка сбитый с толку, не понял, что имеют в виду супруги. Более того, не был уверен, что они имеют в виду одно и то же.

²⁷ Имеется в виду пистолет «Astra-400», выпущенный в 1921 году испанской фирмой «Astra-Unceta y Cia SA». Был принят на вооружение испанской армией.

Часы на стене курительного салона в отеле «Палас де Буэнос-Айрес» показывали уже четверть пятого, когда Макс наконец заметил вошедших в холл супругов де Троэе: композитор был в канотье и с тростью в руках, Меча Инсунса – в элегантном платье из креп-жоржета, перехваченном в талии кожаным поясом, и соломенной памеле. Макс снял свою мягкую фетровую кнапп-фелът – очень приличную, хоть и далеко не новую – и пошел к ним навстречу. Армандо де Троэе извинился за опоздание («Сами понимаете, „Жокей-клуб“ и чрезмерное аргентинское гостеприимство, хоть разговоры только о мороженом мясе и скаковых английских кобылах») и, поскольку Макс ждал так долго, предложил прогуляться, чтобы размять ноги, а потом где-нибудь выпить кофе. Меча отказалась, сославшись на усталость, пообещала присоединиться к ним за ужином и, на ходу стягивая перчатки, направилась к лифту. Армандо и Макс вышли на улицу и, ведя беседу, медленно тронулись под сводами арок, тянувшихся до самого порта вдоль проспекта Леандро Алама, который был густо обсажен деревьями, в это время года сплошь в золотисто-желтых цветах.

– Вы упомянули Барракас, – сказал внимательно слушавший Макса композитор. – Это улица или квартал?

– Квартал. И вполне соответствует своему названию... Можем пойти туда, а можем – в квартал Ла-Бока.

– А вы что рекомендуете?

Барракас лучше, ответил Макс. И там, и там на каждом шагу – кабаки и притоны, но все же Ла-Бока расположена ближе к порту и потому наводнена моряками, докерами, приезжими. Иностранцами, так сказать, самого последнего разбора. И танцуют там танго офранцузенное, усвоившее черты парижского стиля; это интересно, но не чисто. Тогда как в Барракасе, населенном итальянскими, испанскими, польскими иммигрантами, можно увидеть его в перевозданном виде. И музыканты там ближе к истокам. Или, по крайней мере, делают вид.

– Понимаю, – улыбнулся Армандо де Троэе. – Иными словами, навахи местного сброда содержат больше танго, нежели финки иностранной матросни?

Макс рассмеялся:

– Можно и так сказать. Однако не обольщайтесь. Нож есть нож и везде опасен одинаково... Не говоря уж о том, что теперь все предпочитают пистолеты.

На углу Коррьентес, возле здания биржи, они свернули налево, и аркады остались позади. Макадам и асфальт мостовой, уходившей вверх до старого почтамта, были взломаны – там прокладывали подземку.

– Я еще раз прошу вас, – прибавил Макс, – вас и вашу супругу: оденьтесь, пожалуйста, так, чтобы не привлекать к себе внимания. Не надевайте драгоценностей, не берите с собой много денег и не держите их на виду... И вообще постарайтесь быть незаметней.

– Не беспокойтесь. Будем вести себя скромней скромного. Тише воды, что называется... Не хочу, чтобы у вас были неприятности.

Макс остановился, уступая дорогу спутнику, чтобы тот мог обойти колдобину.

– Если будут неприятности – так уж не у меня, а у нас троих... А вам в самом деле так необходимо брать с собой жену?

– Да вы не знаете Мечу! Она никогда не простит мне, если я оставлю ее в отеле. Эта экскурсия в предместье разжигает ее, как ничто другое.

Макс с раздражением подумал, что у этого глагола есть несколько значений. Ему не нравилась игривость, с какой композитор употреблял некоторые слова. Но сейчас же вспомнил медовые глаза Мечи Инсунсы и ее взгляд, когда на борту лайнера впервые заговорили о походе в значные места Буэнос-Айреса. Не исключено, заключил он, что Армандо де Троэе сказал сейчас именно то, что хотел сказать, и назвал вещи своими именами.

– А вы почему согласились сопровождать нас, Макс? Вам зачем это нужно?

Макс в удивлении уставился на композитора. Вопрос звучал естественно и, казалось, был задан искренне. Тем не менее у Армандо был какой-то отсутствующий вид – словно он осведомлялся формально, из чистой учтивости, продолжая в это время размышлять о чем-то другом.

– Не знаю, право, что вам сказать...

Они продолжали подниматься по улице, оставив позади проспект Реконкисты и Сан-Мартин. Под трамвайными проводами и электрическими фонарями возились рабочие, а между ними сновали бесчисленные автомобили и наемные фиакры. Тротуары, затененные козырьками и навесами над витринами лавок, кафе, кондитерских, заполняла многолюдная толпа, и в ее пестроту были вкраплены темные полицейские мундиры.

– Само собой, я должным образом отблагодарю вас...

Макса вновь – и на этот раз сильнее – кольнуло раздражение.

– Не в этом дело.

Композитор непринужденно вертел в пальцах трость. Пиджак его кремового костюма был расстегнут, большой палец сунут в жилетный карман, откуда тянулась часовая цепочка.

– Я знаю, что не в этом. Потому и спросил.

– А я ответил, что не знаю. – Макс в смущении прикоснулся к полю шляпы. – На корабле вы, помнится...

И намеренно запнулся, глядя, как прямоугольник солнечного света лежит ковром на пересечении улиц Коррьентес и Флориды. На самом деле его слова про обстоятельства сказаны были для проформы. Еще сколько-то шагов он прошел молча, думая о женщине – о ее оголенной спине и о бедрах, закрытых невесомой тканью. И о великолепном колье в вырезе платья, играющем под электрическими огнями танцевального салона.

– Очень хороша, не так ли?

Макс, и не оборачиваясь, знал, что Армандо де Троэе смотрит на него. И он предпочитал не угадывать, как именно.

– Кто?

– Сами знаете кто. Моя жена.

После краткого молчания Макс наконец обернулся к собеседнику:

– А вы, сеньор де Троэе?

Мне не нравится его улыбка, осознал он внезапно. И не та, что сейчас у него на губах, а вообще. И эта манера топорщить ус. Вполне вероятно, и раньше тоже не нравилась.

– Зовите меня просто Армандо. Мы уже давно знакомы.

– Хорошо, Армандо. Итак, чего же хотите вы?

Они уже свернули налево и шли по Флориде – с трех часов дня только пешеходы, автомобили, припаркованные на углах, и множество витрин по обе стороны. Вся улица казалась одной бесконечной торговой галереей. Армандо де Троэе показал туда, как будто ответ был очевиден:

– Да вы же знаете. Написать незабываемое танго. Позволить себе эту прихоть и доставить себе это удовольствие.

Произнося эти слова, он рассеянно рассматривал витрину, где были выставлены мужские сорочки фирмы «Gath & Chaves». Оба шли в потоке прохожих – главным образом нарядных женщин, – который струился по тротуарам. С обложки последнего номера журнала «Карас и каретас», выставленного в газетном киоске, им широко улыбался Гардель.

– Все началось с пари. Я был в Сан-Хуан-де-Лусе, в гостях у Равеля, и он дал мне послушать эту чушь, которую сочинил для балета Иды Рубинштейн, – настырное болеро, не имеющее развития, основанное только на разных градациях оркестра... «Если ты смог написать такое болеро, – сказал я ему, – я смогу написать танго». Мы посмеялись и поспорили: проигравший платит за ужин. Ну и вот... Я здесь.

– Я не танго имел в виду, когда спрашивал, чего вы хотите. Вернее, не только танго.

– Танго не напишешь одной лишь музыкой, друг мой. В счет идет и то, как ведут себя люди. Это торит дорогу.

– А я-то что делаю на этой дороге?

– К вам я обратился по нескольким причинам. Во-первых, вы откроете двери в ту среду, что интересует меня. С другой стороны, вы исключительно танцуете. И в-третьих, внушаете мне симпатию... И в отличие от многих и многих, рожденных здесь, не считаете, что быть аргентинцем уже есть заслуга и высшее отличие.

Макс на ходу, не останавливаясь, взглянул на витрину магазина швейных машинок «Зингер», в которой отражались они оба. Когда они стоят вот так, рядом, за этой знаменитостью нельзя признать никаких преимуществ. При всей безупречности манер и элегантности облика Армандо де Троэе внешне уступал танцору. Тот был стройней и почти на голову выше. И держался не хуже. И одежда его, пусть скромная и поношенная, сидела на нем как влитая.

– Ну хорошо... А ваша жена? Как с ней?

– Ну, это вам должно быть известно лучше, чем мне.

– Вы ошибаетесь. Представления не имею.

Они остановились перед выложенными на стенде книгами – на этой улице было много букинистических лавок. Де Троэе взял трость под мышку и, не снимая перчаток, вяло, без интереса перелистал одну из книг. Потом с безразличным видом сказал:

– Меча – особенная женщина. Она не только красива и изящна... В ней есть кое-что помимо этого. И может быть, намного больше этого. Я ведь музыкант, не забывайте. Сколь ни велик мой успех, сколь ни рассеянной кажется жизнь, которую я веду, моя работа неизменно становится между мной и всем остальным миром. Меча – это мои глаза. Мои антенны, если можно так выразиться. Она процеживает и фильтрует для меня все вокруг. Сказать по правде, до знакомства с ней я и не начинал даже познавать всерьез ни жизнь, ни самого себя... Она из тех женщин, что помогают постигать время, в которое нам выпало жить.

– Но я-то здесь при чем?

Де Троэе снова взглянул на него. Спокойно и чуть лукаво.

– Боюсь, мой дорогой друг, сейчас вы чересчур возомнили о себе.

Он остановился и, опираясь на трость, снизу вверх взглянул на Макса. Взглянул так, словно беспристрастно и трезво оценивал наружность танцора.

– А впрочем, по здравом размышлении... – вдруг прибавил он. – Может быть, и не чересчур.

И внезапно зашагал дальше, надвинув канотье на брови. Макс двинулся следом.

– Знаете, что такое «катализатор»? – спросил, не оборачиваясь, де Троэе. – Нет? По-научному говоря, нечто, способное вызывать химические реакции и трансформации и при этом не меняться само. А если проще – ускорять или облегчать развитие определенных процессов.

Макс услышал его смех. Тихий, словно сквозь зубы. Так смеются над удачной шуткой, смысл которой понятен тебе одному.

– И вы кажетесь мне интересным катализатором, – добавил композитор. – И позвольте еще сказать вам то, с чем вы, без сомнения, согласитесь... Больше ассигнации в сто песо или бессонной ночи не стоит ни одна женщина в мире, если только вы не влюблены в нее. И моя жена тут не исключение.

Макс отступил в сторону, давая пройти какой-то даме с покупками в фирменных пакетах. За спиной у него, на перекрестке, который они только миновали, раздался протяжный автомобильный гудок.

– Это опасная игра, – возразил он. – Требуется умения и навыка.

Смех де Троэе, сделавшись еще неприятнее, стал затихать и вот смолк, словно иссяк. Композитор остановился и снова взглянул в глаза Максу, из-за разницы в росте – снизу вверх.

– Вы и не знаете, какую игру я затеваю. Но если согласитесь участвовать в ней, я готов заплатить вам три тысячи песо.

– Не слишком ли щедро за одно танго?

– За гораздо большее. – Указательный палец почти уперся ему в грудь. – Соглашаетесь или отказываетесь?

Макс пожал плечами. Вопрос никогда не обсуждался прежде, и оба это знали. Не обсуждался до тех пор, пока на сцену не вышла Меча Инсунса.

– Значит, Барракас, – сказал он. – Сегодня вечером.

Армандо де Троэе медленно склонил голову. Сумрачное выражение его лица плохо вязалось с тем удовлетворенным, почти ликующим тоном, каким он произнес:

– Вот и замечательно! Да. Барракас.

Отель «Виттория», Сорренто. Послеполуденное солнце золотит занавески на полуоткрытых окнах зала. Перед восемью рядами мест для публики неоновые лампы льют «дневной» – безжизненный и ровный – свет на эстраду, где стоит стол, а в глубине, рядом с другим, судейским, укреплено огромное настенное табло, на котором ассистент обозначает развитие партии. В просторном зале с раззолоченным потолком и множеством зеркал царит торжественная тишина, через неравные и протяженные промежутки времени нарушаемая стуком фигуры, занявшей новую клетку, да двойным щелчком шахматных часов – каждый из игроков нажимает соответствующий рычажок, прежде чем записать в разграфленный лист сделанный только что ход.

Макс Коста, сидя в пятом ряду, рассматривает соперников. Русский – он в коричневом костюме, в белой сорочке и зеленом галстук – играет, откинувшись на спинку стула и не поднимая головы. Широкое лицо Михаила Соколова над чересчур жестким воротником рубашки склонено к доске, и кажется, будто галстук слишком туго сдавливает ему шею; некоторую топорность облика смягчает выражение кроткой печали, застывшее в водянисто-голубых глазах. Телосложением и круглой головой, поросшей короткими светлыми волосами, он напоминает миролюбивого медведя. Сделав очередной ход – сегодня его черед играть черными, – он отрывает взгляд от доски и подолгу смотрит себе на руки, в которых каждые десять-пятнадцать минут начинает дымиться очередная сигарета. В перерывах чемпион мира тербит себя за нос или обкусывает заусенцы, а потом либо вновь погружается в сосредоточенную неподвижность, либо достает новую сигарету из пачки, лежащей рядом, вместе с зажигалкой и пепельницей. Макс замечает, что русский чаще смотрит на свои руки, чем на расположение фигур.

Снова щелкает рычажок шахматных часов. Хорхе Келлер, сидящий по другую сторону стола, двинул белого коня и, сняв колпачок с шариковой ручки, записывает ход, который ассистент тотчас повторяет на демонстрационном табло. И каждый раз, когда чилиец передвигает фигуру, по рядам зрителей проходит некое содрогание, сопровождающееся вздохом ожидания и еле слышным рокотом. Партия близится к миттельшпилю.

За доской Хорхе Келлер кажется еще моложе. Черные волосы, падающие на лоб, спортивного покроя пиджак, мятые штаны цвета хаки, узкий полураспушенный галстук и непрезентабельные спортивные туфли придают облику чилийца приятную небрежность. Он вызывает симпатию – вот верное слово. По внешности и повадкам гроссмейстер больше напоминает немного сумасбродного студента, чем грозного шахматиста, который через пять месяцев будет оспаривать у Соколова титул чемпиона мира. Макс видел, как он пришел к началу партии с бутылкой апельсинового сока, не глядя, протянул руку русскому, уже сидевшему на своем месте, сел сам, поставил бутылку и, все так же не глядя на доску и не задумываясь, сделал первый ход, наверняка заготовленный заблаговременно. В отличие от русского, он не курит и

вообще, когда оценивает положение или ожидает хода противника, сидит неподвижно – разве что изредка протягивает руку к бутылке и отпивает глоток прямо из горлышка. А иногда в ожидании – оба игрока подолгу раздумывают перед каждым ходом, но Соколов тратит больше времени, чтобы решиться, – Келлер, упершись локтями в стол, опускает голову в ладони, как если бы расстановку фигур на доске ясней видит в воображении, а не глазами. И после того, как противник делает ход, вскидывает голову, будто мягкий стук переставленной фигуры выводит его из забытья.

Для Макса все происходящее тянется нестерпимо медленно. Партия в шахматы, особенно такого уровня и так церемонно обставленная, наводит на него тоску. И он сильно сомневается, что, даже если бы Ламбертуччи и капитан Тедеско объяснили ему подоплеку и смысл каждого хода, это сумело бы пробудить в нем интерес. Но обстоятельства и удобное место позволяют вести наблюдение в свое удовольствие. И не только за игроками. В первом ряду, в кресле на колесах, в сопровождении помощницы и секретаря, сидит спонсор матча – промышленник-миллионер Кампанелла, уже десять лет как парализованный после автокатастрофы на повороте трассы Рапалло – Портофино. Слева от него, между юной Ириной Ясенович и грузным лысым мужчиной с седеющей бородой, сидит и Меча Инсунса. Макс со своего места – достаточно лишь чуть наклониться вбок, чтобы не загораживала голова впереди сидящего, – видит ее плечи, покрытые легким шерстяным кардиганом, короткие седые волосы, открывающие стройную шею до самого затылка, и, когда она поворачивается что-то прошептать на ухо своему тучному соседу справа, – профиль, не утерявший с годами четкости очертаний. Он узнает ее спокойную и уверенную манеру склонять голову, внимательно вглядываясь в происходящее на эстраде, точно так же как в былые дни смотрела она на другие вещи, на другие игры, которые, вспоминает Макс с меланхолической улыбкой, были замысловаты не менее, чем та, что разворачивается сейчас у них на глазах, на доске и на табло, где ассистент демонстрирует положение фигур.

– Приехали, – сказал Макс Коста.

Автомобиль – лиловый лимузин «пирс-эрроу» с эмблемой «Автомобильного клуба» на радиаторе – остановился на углу длинной кирпичной стены в тридцати шагах от железнодорожной станции «Барракас». Луна еще не взошла, и, когда шофер погасил фары, только одинокий уличный фонарь неподалеку да четыре желтоватые лампочки над козырьком подъезда разгоняли темноту. Последние красноватые блики истаивали в черном небе Буэнос-Айреса, скользили по застроенным приземистым домам и улочкам, уводившим на левый берег и к докам Риачуэло.

– Диковатое место, – сказал Армандо де Троэйе.

– Вы же хотели танго... – ответил Макс.

Он вылез из машины первым и, сняв шляпу, придержал дверцу перед композитором и его женой. При свете фонаря стало видно, что Меча Инсунса в наброшенной на плечи шелковой шали невозмутимо оглядывается по сторонам. Без шляпы, без всяких украшений, в светлом платье, в туфлях на невысоком каблуке, в белых перчатках до локтя, она все равно была чересчур шикарна, чтобы разгуливать по таким местам. Ни тонувший во мраке перекресток, ни угрюмая кирпичная дорожка, уходящая во тьму между стеной и приподнятым над землей бетонным и железным зданием станции, не произвели на нее особого впечатления. А вот Армандо де Троэйе, в синем саржевом костюме, в шляпе и с тростью, озирался не без тревоги. Было вполне очевидно, что действительность сильно превосходит его ожидания.

– Вы в самом деле хорошо знаете это место, Макс?

– Ну еще бы. Я родился в трех кварталах отсюда. На улице Виэйтес.

– В трех кварталах?.. Черт возьми.

Макс склонился к открытому окну лимузина, что-то втолковывая шоферу – плотному, молчаливому итальянцу с гладко выбритыми щеками и черными волосами, выбивавшимися из-под форменной фуражки. В «Паласе», когда де Троэе заказывал лимузин, его отрекомендовали как опытного водителя и вполне надежного человека. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, Макс не хотел оставлять машину у самого входа в заведение, куда они направлялись. Последний отрезок пути он намеревался проделать пешком и потому сейчас объяснял шоферу, где тот должен ожидать их – не слишком близко, но в пределах видимости. Потом, чуть понизив голос, спросил, есть ли у него оружие. Итальянец коротко кивнул и показал на «перчаточный ящик».

– Пистолет или револьвер?

– Пистолет, – сухо ответил тот.

Макс улыбнулся:

– Как вас зовут?

– Петросси.

– Сожалею, Петросси, но вам придется нас подождать. Часа два, не больше.

Любезность, как известно, стоит дешево, а ценится дорого: учтивость – инвестиция в будущее. Ночью, да еще в таком месте, крепкий и к тому же еще вооруженный итальянец будет совсем нелишним. Подстраховаться никогда не помешает. Макс дождался, когда шофер, не теряя профессионального безразличия, снова кивнет, но все же заметил в свете фонаря быстрый благодарный взгляд. Он положил ему руку на плечо, дружелюбно похлопал и пошел договаривать супругов.

– Мы и не знали, что вы здешний, – сказал композитор. – Вы не говорили.

– Повода не было.

– И прожили здесь до самого отъезда в Испанию?

Де Троэе был непривычно говорлив, – без сомнения, так он пытался замаскировать свое беспокойство, сквозившее тем не менее в каждом жесте и слове. Меча Инсунса шла рядом, между ним и Максом, держа мужа под руку. Шла молча, все замечая, но не произнося ни звука, – только постукивали ее каблуки по кирпичной дорожке. Все трое двигались вдоль стены, постепенно углубляясь в безмолвную тьму квартала, простершегося между станцией и приземистыми домиками, где жизнь все еще шла по обычаям не города, а предместья, – и Макс с каждым шагом узнавал его горячий влажный воздух, особый запах кустистой травы, пробившейся сквозь выбоины мостовой, илистый смрад недалекой Риачуэло.

– Да. Первые четырнадцать лет я провел в Барракасе.

– Подумать только... Вы просто шкатулка с секретом.

В тоннеле, где утроенное эхо шагов звучало особенно гулко, Макс, выводя спутников на свет второго уличного фонаря, стоявшего за станцией, обернулся к де Троэе:

– Вы правда захватили «астру»?

Композитор громко рассмеялся:

– Да нет, конечно, что за вздор... Я пошутил. Не ношу оружия.

Макс с облегчением кивнул. Его охватывало беспокойство при мысли о том, как композитор, вопреки его советам, входит в притон с пистолетом в кармане.

– Тем лучше.

Казалось, ничего не изменилось за эти двенадцать лет, что Макс не был здесь, хоть и приезжал раза два в Буэнос-Айрес. Он шел сейчас, будто ступая по собственным следам, вспоминая дом невдалеке отсюда, где провел детство и раннюю юность, – доходный дом, неотличимый от других таких же на улице Виэйтес, в квартале и в городе. Стиснутые стенами ветхого двухэтажного здания, там копошились пестрые, разношерстные, лишенные и намек на приватность бытия полторы сотни людей всех возрастов, звучала испанская, итальянская, польская, немецкая речь. Там не запирались двери, и в съемных комнатах многочисленными семей-

ствами и поодиночке жили эмигранты обоих полов: те, кому повезло, работали на Южной железной дороге, на дебаркадерах и пристанях Риачуэло, на окрестных фабриках, четырежды в день завывавших гудками, которые определяли уклад семей, где не водилось часов. Женщины, ворочавшие в чанах одежду, дети, роившиеся во внутреннем дворе под вечно вывешенным на просушку бельем, которое пропитывалось чадом жарева, паром варева, вонью общих сортиров с обмазанными гудроном стенами. Комнаты, где крысы были на положении домашних животных. Мир, где лишь малые дети в невинности своей улыбались открыто, не предполагая еще, что жизнь обрекла почти каждого из них на неминуемое поражение.

– Ну, вот и пришли.

Они остановились у фонаря. За железнодорожной станцией, на другой стороне тоннеля, тянулась темная прямая улица, где среди приземистых лачуг стояло несколько двухэтажных домов; на одном из них горела неоновая вывеска «Отель», причем последняя буква отсутствовала. В дальнем конце улицы угадывалось в полутьме заведение, которое они искали, – нечто похожее на пакгауз с цинковыми стенами и крышей, с желтоватым фонариком над дверью. Макс дождался, когда справа возникнут сдвоенные фары «пирс-эрроу», который медленно продвигался вперед и затормозил там, где и было условлено, – в пятидесяти метрах, на соседнем перекрестке, начинался другой квартал. Когда фары погасли, Макс оглядел супругов и убедился, что композитор от волнения зевает, как рыба, выброшенная на сушу, а Меча Инсунса улыбается, странно блестя глазами. Тогда он пониже надвинул шляпу, сказал: «Пошли», и все трое пересекли улицу.

Внутри пахло табачным дымом, джином, бриллиантином и человеческим телом. Как и в других дансингах возле Риачуэло, в просторном помещении «Ферровиарии» днем торговали съестным и спиртным, а по вечерам играла музыка и устраивались танцы; деревянный пол скрипел под ногами, за железными столиками на железных стульях сидели посетители, а иные – самого бандитского вида – стояли у стойки, освещенной голыми электрическими лампочками: кто облокотился, кто привалился боком. На стене, за спиной бармена-испанца, которому помогала худосочная и нескладная девица, вяло сновавшая между столиками, висело большое запыленное зеркало с рекламой кофе «Агила» и плакат страховой компании «Франко-Аргентина» с изображением гаучо, пьющего мате. Справа от стойки, у двери, за которой виднелись бочонки соленых сардин и ящики с вермишелью, между погашенной керосиновой печкой и древней ободранной пианолой «Олимп», на небольшой эстраде трио – аккордеон, гитара и пианино (басовые клавиши прожжены сигаретами) – тянуло нечто заунывно-жалобное; и, вслушавшись, Макс не сразу узнал танго «Старый петух».

– Замечательно... – с восхищением пробормотал Армандо де Троэе. – И так неожиданно... Другой мир.

«Да уж, – подумал Макс, примиряясь с неизбежным, – достаточно только поглядеть на тебя». Композитор положил на стул канотье и трость, сунул желтые перчатки в левый карман пиджака и закинул ногу на ногу так, что под идеально отглаженными брючинами открылись гамашы. Заведение, куда он попал, разительно отличалось от тех дансингов, которые они с женой посещали, одевшись по всем правилам этикета. «Ферровиария» в самом деле была другим миром, и обитали здесь иные существа. Прекрасный пол был представлен десятком женщин – в большинстве своем молодых, – сидевших за столиками или танцевавших с мужчинами в свободном пространстве. Это, собственно говоря, не проститутки в общепринятом смысле слова, вполголоса объяснял Макс, а так называемые рюмочницы: они обязаны уговаривать мужчин-посетителей потанцевать, получая за каждый танец «марку», а за нее – несколько сентаво от хозяина, и заказывать как можно больше спиртного. У одних есть женихи или возлюбленные, и кое-кто из них присутствует здесь, у других – нет.

– Коты? – спросил де Троэйе, вспомнив термин, употребленный Максом еще во время их первого разговора на лайнере.

– В той или иной степени, – подтвердил тот. – Но не все здесь проститутки. Иные просто зарабатывают на жизнь танцами – и ничем иным. Подобно тому, как их подруги работают на фабриках или в портняжных мастерских. Вполне добропорядочные барышни.

– Когда танцуют, не производят впечатления ни добрых, ни порядочных, – сказал де Троэйе, озираясь. – И даже когда так просто сидят – тоже.

Макс показал на сплетенные в объятиях пары, двигавшиеся по площадке. Важные, сосредоточенные, преувеличенно мужественные кавалеры внезапно, посреди музыкальной фразы, обрывали танец – здешнее танго шло стремительней, чем обычное, – и, не только не выпуская партнершу, но и крепко прижимая к себе, заставляли сделать оборот вокруг своей оси. При этом ноги дамы, делавшей резкое, виляющее движение бедрами, проскальзывали поочередно по обеим ногам кавалера. Все это было до крайней степени чувственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.